

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ, или

ТВОЯ ЗАПАДНЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МАРИЯ МИРЕЙ

18+

Мария Мирей

Эффект бабочки, или Твоя западня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70359469

SelfPub; 2024

Аннотация

Мое детство было окрашено в мрачные и унылые цвета детского дома, юность испытывала бесперспективным и жалким существованием, в котором краски вообще отсутствовали напрочь, ровно до тех пор, пока не встретила его. Он ворвался в мое пространство агрессивной аурой и пленительным ароматом, познакомив сначала со вкусом своих губ, а затем со всем остальным. С того самого момента, когда мой взгляд коснулся его лица, я поняла, что проклята, ибо теперь в моей жизни боль и запретные чувства к чужому мужчине. К мужчине, которым стала одержима до безумия... Третья книга серии Лицедея. Внимание!!! На момент сексуальных отношений все герои совершеннолетние.#девственница# властный и жестокий главный герой # альтернативная Россия# содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	46
Глава 5	63
Глава 6	75
Глава 7	93
Глава 8	111
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Мария Мирей Эффект бабочки, или Твоя западня

Пролог

Испания, пять лет спустя...

Я смотрела, как теплые лазурные волны прибоем ласкали берег и впервые за все время ровно дышала. Теперь, с полной уверенностью, оглянувшись назад, я понимаю, что все сделала правильно. Выдернула с кровью и мясом его из своей жизни. Запечатала наглухо в самом дальнем уголке своего сердца, запрещая себе о нем думать. Сожгла за собой мосты. Закрыла на ключ и выбросила в море.

Все правильно. Так и должно быть.

Опускаю взгляд на маленькую темноволосую головку, и сердце обжигает любовью. О таком подарке от Лански я даже и не мечтала. Его рождение дало мне силы жить, воскресило, заполнило собой мертвую пустоту внутри, склеило то, что Лански разрушил во мне до основания. Я любила Артемия больше своей бесполезной жизни, всей душой, безгранично

верила, дышала одним им. Мужчиной из другого измерения, красивым и недостижимым...

Прошло пять лет, и меня уже не рвет от боли, не сносит крышу от одержимости им. Нет, она не исчезла, она глубоко внутри. Под запретом. Как оказалось, с этим можно жить, и даже вполне себе сносно.

– Мамочка, смотри! Замок! Ты будешь в нем принцессой! – Выдергивает звонкий голосок из воспоминаний.

Я засмеялась, погладив его темную макушку, и чмокнув в пухлую щечку, стараясь не замечать его сходство с Лански. И этому я тоже научилась. Снова выдыхаю полной грудью, смакуя свое умиротворение. Малыш, совсем по – мужски вырвался из рук, схватил маленькое ведерко и помчался за водой, наполнить импровизированный ров перед замком. Я взглянула на синее небо. Солнце уже начало припекать. Пора уже было собираться уходить, но так не хочется – то!

Алекс зачерпнул воды в ведерко и не глядя по сторонам круто развернулся на маленьких крепких ножках, тут же окотив водой проходившую мимо пару. Высокий загорелый мужчина, в темных очках что – то сказал мальчику, поднимая оброненное ведро, которое подхватил прибой, утягивая в свои недра.

Снова зачерпнул воду, и повернулся к ребенку...

Меня словно кипятком обожгло, ослепило яркой вспышкой боли и неверия. Высокий, все такой же красивый и обязательный небожитель, сошедший к своим подданным, оза-

ря серый скучный мир своим присутствием. В каждом его жесте, наклоне головы сквозила безграничная власть и собственное достоинство.

Черти б его сожрали... Я вскочила, не веря своим глазам, и заметалась вокруг шезлонга, в панике глядя, как ребенок доверчиво вкладывает свою ручку и тянет его сюда. В голове что – то взорвалось, выбивая почву из – под ног, пронзая острыми осколками, раздирая в клочья способность мыслить.

Такое же бя*ь нарочно не придумаешь!

Меня накрывает липкой паникой, и в голове агонией бьется единственная мысль «Бежать!», но ноги вопреки панической атаке налились свинцом, намертво приклеились к раскаленному песку. Натянула пониже пляжную широкополую шляпу, водрузив дрожащей рукой огромные темные очки. Опускаю голову, и принимаюсь суетливо собирать вещи, надеясь, что он не сильно будет рассматривать «мамочку», тем более что девушка, последовавшая за своим спутником, такая же ему под стать, что я к своему удивлению успеваю заметить, что – то недовольно говорила, капризно надув пухлые губки. А он улыбался. Меня словно в солнечное сплетение ударили со всей силы.

– Buon giorno! Hai un bambino meraviglioso!*

От звука его голоса засосало под ложечкой, и все что я могла сделать, это махнуть рукой, наплевав, как он воспримет этот жест. Я готова была поклясться, что его взгляд под темными очками скользнул по фигуре, задержавшись на гру-

ди, тут же отозвавшейся на пристальный взгляд.

– Мамочка, я уронил ведро, и его понесло в море, а ты же не разрешаешь мне без твоего разрешения входить в воду, и мне пришлось заговорить с незнакомым мужчиной, но я заговорил, потому что ты была рядом, а ведро могло уплыть и тогда... – затараторил Алекс по – русски, а я едва в обморок не упала, когда мужчина снова повернул ко мне темноволосую голову.

Господи, какой же он красивый.

– Artemio, dobbiamo andare. siamo in ritardo per una riunione.* – прошелестела платиновая девица, повиснув на нем, перетягивая внимание на себя, о чем я мысленно ее поблагодарила.

– Alex, dobbiamo andare* – хрипло, опустив голову ниже, прошептала я, молясь, чтобы он не слышал мой срывающийся от волнения голос. Но он снова повернулся в мою сторону, сведя широкие брови на переносице.

Мне хотелось, как страусу, засунуть голову в песок и претвориться, что меня здесь нет. Столько лет прошло, а моя реакция на него не изменилась. Я присела на корточки, стараясь аккуратно складывать вещи в сумку. Руки ходили ходуном, и я отчаянно молилась, чтобы он ушел.

Как тогда. Просто ушел прочь. А я снова смогу забыть. Смогу жить дальше, правда? Ведь раньше уже получилось получиться и теперь.

– Come ti chiami, tesoro?*

острой бритвой прошелся по моим натянутым нервам, и я скидываю голову. Он же не сможет меня узнать. Я все для этого сделала, благо хоть на это хватило мозгов...

– Alex...

*Добрый день! У вас чудесный малыш!

*Артемий, нам пора, мы опаздываем на встречу!

*Алекс, нам пора.

*Как тебя зовут, малыш?

Глава 1

Пять лет назад...

– Ну что там? – Я нетерпеливо перескакивала с одной ноги на другую, глядя на хмурое лицо сестры. Она только взмахнула рукой, мол, отстань, и снова приложила ухо к стенке, в надежде услышать, что там говорят.

Вообще – то я не совсем верила словам наглого Кольки, и поэтому данную затею с подслушиванием приняла скептически! Ну, правда, что за дичь!?! Кому нужны детдомовки? Да мы им триста лет никуда не вперлись, как любит говорить тот же Колька, заставляющий именовать себя не иначе как Ник.

Несколько минут назад в кабинет к директору вошел представительного вида дядька, и Милка, крепко ухватив меня за руку, тут же потащила в кладовку, примыкающую к кабинету директора. Она, хмурясь, невидящим взглядом смотрела перед собой, крепче сжимая мою руку, а я смотрела в ее растерянное простоватое лицо, и гадала благодаря кому я получила свою яркую внешность, которая не принесла мне ничего хорошего. Слегка темные густые брови в разлет, густые золотистые волосы, заплетенные в толстую косу, темно – вишневые пухлые губы, которые, как утверждает тот же Колька – Ник, наш негласный защитник, мечта каждого па-

дана. Но драгоценностью в нашей с сестрой внешности выступали глаза. Глубокий оттенок вереска, дикого полевого цветка.

В детдоме поговаривали даже, что мы с сестрой не русских кровей, потому как такая внешность не может быть у русских. А у кого может, почему – то не сказали. Так и жила, гордо задрав чуть вздернутый нос кверху, смеряя королевским взглядам своих подданных. А если честно, такая внешность доставляла одно беспокойство. С ранних лет приходилось отбиваться от всяких придурков, благо Колька взял под свое широкое крыло меня красавицу, и Милку само собой за дивные очи, бросая на наши рано налившиеся сиськи долгие тоскливые взгляды.

Милка, резко выпрямившись, задумчиво пожевала губы, и потащила меня за собой, из кладовки. Приоткрыла дверь, воровато выглянула, и дала знак следовать за ней.

– Ну и? Тебе удалось услышать, о чем они говорили? – Насмешливо спрашиваю, опускаясь на кровать. В комнате, где мы жили, кроме нас, были еще две девчонки, которые сейчас отсутствовали. Одной шестнадцать, другой пятнадцать. Мне, также как и Маринке, соседке исполнилось шестнадцать, Милке восемнадцать, и я с ужасом ожидала момента, когда сестре укажут на дверь. – Только не говори, что ты повелась на Колькин бред. Ну кому мы нужны, а?

– Да, ничего толком и неслышно было. Так обрывки слов. Но в одном Колька был прав. Они говорили о нас. По край-

ней мере, судя из услышанного, – она сделала паузу, пристально глядя на меня, – о тебе точно.

– Ты думаешь, кто – то захочет удочерить почти взрослых девочек? – Признаться, я в это верила с трудом. Всем в округ известно, что детей берут малышами, потом вероятность удочерения равняется к нулю, и мы давно смирились с тем, что в целом мире, друг у друга есть только мы.

– Да хрен его знает! Белка, – позвала сестра тоненьким голоском, – мне почему – то страшно. – Тут следует заметить, что имя свое ненавидела лютой ненавистью, кастеря каждый раз того кто придумал назвать девочку, то есть меня, экзотическим именем Изабелла, и по факту, Белла, или Белка, как ко мне намертво приклеилось.

– Мил, ну ты серьёзно? Чего нам бояться? Мы же просто ангелы с тобой. Любой кто нас увидит, тут же захочет себе! – Я тогда и не подозревала, как была права, и бояться нам очень даже стоило.

Милка прыснула смехом, затем широко улыбнулась, упав на кровать, застеленную толстым колючим покрывалом.

– Тут ты права. Это мы можем. Но все же надо увидеться с Колькой и расспросить его по подробней, что ему удалось услышать – то. Отчего то же он испугался!

– Надь, ну ты что, Кольку не знаешь? Он трусится над нами, как старший брат. Может он испугался того, что нас заберут? Все – таки столько лет вместе?

– Не знаю. Ладно, давай спать. А то ночью из – за Марин-

киного храпа хрен поспишь! Может там, куда нас заберут хоть условия для проживания будут лучше?

– Ты хотела сказать выживания? – Буркнула я, чувствуя, как окутывает дрема. Все же я слукавила. Нельзя сказать, что условия в нашем детдоме был совсем уж безнадежны. Напротив. Хороший ремонт, плитка в душевых, и кормят неплохо. Вон и живем не в общем бараке, а по четверо в комнатах. Одежда хорошая, теплая, на Новый год даже нарядная, и подарки к тому же. В центральном зале, даже и компьютер имеется. В количестве одной штуки.

А могло быть и хуже.

Нина Петровна, наш музработник, не устает нахваливать детдом, в красках расписывая, в каких условиях ей приходилось работать в других детских домах. Сырость, бедность, голод... словом безнадега.

А нам повезло. И директор у нас хороший. Добрый и заботливый. Да и любит нас, как идет по коридору, обязательно по голове погладит.

Еще подумалось о Кольке, а потом провалилась в сон.

Проснулась, резко как от толчка, когда за окном уже стояла непроглядная темен. В комнате никого не было, и я, потянувшись, повалилась еще некоторое время в кровати, с трудом соскребла себя с нее, и пошла в столовку. Жрать хотелось до голодного обморока, и справедливо рассудив, что Милка уже поди там, весело напевая старую детскую песенку направилась туда.

В столовке сестры не оказалась и я, быстро поужинав, отправилась на ее поиски. Обошла весь корпус, но Милены так и не нашла, гадая, куда она могла запропасться. Вернувшись в комнату, застала Маринку и Верку, весело щебечущих на своих койках.

– Чего смурная такая, Белл? – Маринка проглотив смешок, привстала с кровати, пряча за спину журнал, в который они часами пялятся выбирая себе женихов среди бизнесменов. Дуры!

– Милку не видели? Куда – то свалила.

– Да, вроде, Петька говорил, к директору вызывали. Правда, часа два назад еще. Ну, в смысле Петьку видели.

Известие отозвалось во мне непонятной тревогой. Даже кончики пальцев неприятно закололи, а в желудке образовался узел. Поблагодарив девочек, отправилась на поиски Кольки. Он обнаружился практически сразу. В спорт зале, в кучке таких же «продвинутых» пацанов, как он сам. Заметив меня, он нахмурился, бросив что – то своим пацанам, направился ко мне.

– Ты Милку не видел? Петька сказал, к директору вызывали. Два часа назад.

Колька еще сильнее нахмурился, и, отводя глаза в сторону, сухо бросил:

– Разберемся.

– Коль, что – случилось? – Прошептала я, чувствуя, как паника завибрировала где – то внутри.

– Да, ладно малая, разберемся, давай, двигай в комнату. Отбой уже скоро.

Я еще постояла пару минут пялясь, на его удаляющуюся широкую спину, затем пошла к себе.

Милка не пришла, даже тогда когда объявили отбой, во время которого строго настрого запрещалось покидать свои комнаты. Тревога за сестру разъедала нутро, и о том, чтобы глаза сомкнуть не было даже и речи. Под богатырский Маринкин храп, я одевалась, глядя невидящим глазами прямо перед собой.

Еще раз зачем – то переплела косу, и уселась у окна. Все во мне замирало и вздрагивало, словно от фантомной боли. В сердце будто вонзились миллиард острых иголок, и закружили в кровотокающей плоти, в тяжелом предчувствии. По лицу покатались слезы. Я знала, что нужна сейчас Милке, как никогда. Чувствовала ее боль, а помочь ничем не могла.

Центральную аллею осветили фары машины. Я замерла, высунувшись в окно, жадно вглядываясь в силуэты внизу. Их было пять человек. Поднявшись по широкому крыльцу, они вошли вовнутрь здания.

Дрожащими руками, натянув шерстяную кофту, я выскочила в коридор, не отдавая отчета своим действиям. Ужас сдавливал свои липкие лапы на горле, перекрывая кислород, я с трудом держась на ватных ногах все же пошла. Интуиция гнала меня вниз, и я побежала.

Устремившись на звуки приглушенных голосов, я напра-

вилаась к кладовке, где совсем еще недавно, Милка стояла, привалившись к стенке. Последовав ее примеру, я распласталась на стене, и, затаив дыхание обратилась в слух. Вскоре я поняла, что в стене предусмотрительно кем – то было оставлено маленькое отверстие, гвоздем, или еще чем – то тонким, а в нем какая– то маленькая конструкция , позволяющая прекрасно слышать то, о чем говорилось в кабинете директора. Сглотнув, попыталась успокоить шумное дыхание.

– Ты что мне впариваешь? Ты знаешь, сколько стоит содержать этот ваш цветник, бля*ь! – Послышался грохот, словно упал стул, какая – то возня, – Если ту сука хер в штанах не смог удержать, я тебя лично закапаю, тварь! Девка та не про тебя, ясно гнида? – Голос злой, резкий, щедро разбавленный шипящими звуками, как у змеи, промелькнуло в голове.

– Ппроссти... Я, она... увидела договор на вывоз и липовые документы. Еще и фото уже успели вклеить... Мне пришлось... – В дрожащем голосе я узнала директора. Сердце вздрогнуло и закололо.

– Где она? – рявкнул змей.

– В подвале. Ей не привыкать. Давно уже вскрыли, тут знаешь ли своя мафия. Я думаю, ей пришлось, чтобы не трогал никто ее, да девку вашу. – Выдавил через силу, Эдуард Львович, – Но я... словом, вторая спит наверху. Ее никто не трогал. За нее, как договаривались.

– Первую кто вскрыл? – Послышался другой голос, тихий, властный.

– Поликарп из местных, смотрит тут за порядком. Ей Богу не знал, если б почуял чего, то б сразу! – Директор шумно выдохнул, и затих.

– Веди. – Коротко бросил тихий голос и в кабинете зашаркали стульями. У меня на спине выступил холодный пот. Хлопнула дверь, и в коридоре послышались тяжелые шаги. Я выпрямилась, когда они поравнялись с дверью в кладовку, незапертую, между прочим, и кто – то замер по ту сторону.

– Да, Борисович... Просрал одну девку, ты был прав... Поликарп... Ясно в расход...

Я боялась сделать вдох, мне казалось, его обязательно услышит тот, кто стоит под дверью. Это потом до меня дошло, что он, скорее всего, разговаривал по телефону.

Вот шаги пошли дальше по коридору, и я тихонько приоткрыла дверь. В коридоре никого не было, и я замерла, не зная, что делать дальше.

Из всего услышанного, я мало что поняла, кроме того, что кого – то хотят забрать. Вот только зачем и куда? И где моя Милка?

Пока я стояла под кабинетом директора и решала что делать, голоса послышались снова, и мне пришлось нырнуть обратно. До кабинета они не дошли, остановившись, по всей вероятности возле лестницы на второй этаж.

– Макар, остаешься за главного. Девку утром заберут.

Приберитесь здесь. Че зря что ль парк в десять гектар выделили. . . – Тихий голос, чеканил приказы в гнетущей тишине коридора, и когда послышалось, короткое «есть», шаги стали отдаляться.

Постояв немного в темноте, я снова приоткрыла дверь, и вышла в коридор. Пошла к лестнице, когда из – за угла показался незнакомый мужчина, набирающий что – то в телефоне. В полумраке коридора подсветка телефона осветила его лицо. Интуитивно вжалась в стену, за большим раскидистым фикусом, закусив от страха ладонь, и зажмурила глаза.

Мужчина прошел мимо, так и не подняв головы, и скрылся в кабинете директора. Я заставила себя отлепиться от стены, и не придумав ничего лучше отправилась в мужской корпус, прямиком к комнате Кольке.

Я не знаю, что скажу, и как объясню, что происходит, но мне он был нужен до трясучки Он всегда рассудительный и такой взрослый должен помочь успокоиться, и хоть как – то пролить свет на то, что происходит.

Аккуратно опустила ручку, и дверь поддалась. Затаив дыхание, я вошла в комнату, откуда разносился такой же громогласный храп, как и в нашей, и на носочках подошла к первой кровати.

Присмотрелась, это был не Колька. На второй его тоже не было. Колька обнаружился на четвертой, у самого окна, накрывшись с головой.

Потрепала его, и тут же замерла под пристальным взгля-

дом Кольки. Нужно отдать ему должное, он вскочил как солдат на призыве, оделся в рекордные сроки и потащил из комнаты, крепко держа широкой ладонью за руку. Мы прошмыгнули по коридору и ввалились в подсобку для спортивного инвентаря возле раздевалок спортивного зала. Свет Колька предусмотрительно включать не стал.

– Рассказывай, – коротко бросил он, вглядываясь в меня исподлобья.

– Милены нет, Коль, мне страшно, – заскулила я, чувствуя себя неудобно по его настороженным взглядом, – там, приехали дядьки, хотят кого – то забрать...

Колька тяжело, протяжно выдохнул, опустившись на корточки, положив голову на руки.

– Коль, – снова позвала я, чувствуя как вдоль позвоночника скатываются капли холодного пота, – скажи что –нибудь, а? Где Милка?

Колька снова протяжно выдохнул и поднял на меня глаза. Я задохнулась, закусив дрожащие губы, когда он будто решившись, резко махнул рукой поднимаясь на ноги.

– Пошли.

Выглянув в пустой коридор, и дав мне знак следовать за ним, я торопливо засеменила следом, глядя в широкую спину Кольки. Завернув за угол, он резко остановился, отчего я едва не влипла носом в его спину, затем все также махнув, устремился под лестницу, где имелась ничем неприглядная серая дверь. Потянул ручку на себя, и вскоре моим глазам

предстала Милка. Растрепанная, заплаканная, с опухшими и потрескавшимися губами.

С криком бросилась ей на шею, падая возле сестры на колени, сбивая их о бетонный пол.

– Мил, что случилось? – Слезы мгновенно хлынули из глаз, застывая Милкино лицо и виноватый взгляд.

– Валить тебе надо отсюда, Белка, иначе и тебя, как Меня... – на моей голове зашевелился каждый волосок от страха, когда я проследила за ее взглядом, и увидела темные ссадины на обнаженных бедрах. Я бестолково хлопала ресницами, отказываясь верить глазам и ушам. Что значит валить?

– Куда валить? – Самый бестолковый вопрос, потому что в голове серая субстанция из ужаса и тревоги, заполнила черепную коробку.

– Оттрахали меня Белка, грязно и отвратительно! – На удивление безразлично проговорила Милка, глядя куда – то в сторону. – И до этого тоже трахали! Тут Белла выбирать не приходится! Колька, – ее взгляд все же сфокусировался на парне, Она с трудом собрала под себя грязные дрожащие ноги со стертymi коленками. – Поликарпа завалили. Но он просил связаться с Седым. Сказал тот поможет.

Колька долго молчал, затем медленно кивнул, подавая Милке руку помогая встать на ноги.

– Нужно уходить, прямо сейчас. Белку хватятся сразу. Наверняка пойдут проверить, спит ли она. Времени в обрез.

– Это не правда! Этого не может быть!!!

– Может, Белка, может! – Оказывается, я сказала это вслух. – И более того, Белл, и тебя вскоре пустят по кругу. Я слышал, как наш Эдуард Львович цену повыше набивал за вас двоих. Продать хотел, мурак еб*ый!

Меня словно в пропасть столкнули, и я лечу, все никак не достигнув дна, замерев в черной липкой пустоте. Истерика накрыла мгновенно, по щелчку. Взвизгнув, я заголосила, закусывая руку, накрепко забыв, что находиться мне здесь не положено, тем более в Колькиной и Милкиной компании. Но Милка несмотря на свое состояние, закрыв мне рот обеими руками, притянула к себе, позволяя выплакаться. Я не знаю, сколько мы так просидели, когда моя истерика иссякла, наступила апатия.

– Белка, послушай меня внимательно. Ты должна бежать. Иначе...

– Милка а как же я без тебя? Я не смогу, не проси!

– Белка, хочешь, я расскажу, что с тобой будет? Ну, чтобы ты понимала? – И подняв мое лицо вверх, поймала взгляд, – Тебя ждет ад, Белл. Тебя будут ебать до тех пор, пока ты не потеряешь свою красоту и свежесть, а там, куда тебя заберут, ты потеряешь ее очень быстро. Наш добрый дядюшка Эдуард Львович промышляет торговлей девочек, и в его детдомовской коллекции, ты была самыми дорогим товаром. Я давно об этом узнала. И прикрывала сколько могла. Теперь все, больше никому я не нужна, и следовательно, мы должны уйти. Свидетелей никто не жалует. А я так просто не сдамся.

Смеется тот, кто смеется последним!

Мы. Должны. Уйти.

Я заревела белугой, вжимаясь в ее тело, хватаясь за холодные руки, как за спасительный круг.

– Шшш, Белка, держись, ладно? Колька поможет. Я тоже здесь не останусь, вместе свалим. Седой обещал помочь!

Все образуется...

Глава 2

Как и обещал Поликарп, Седой не бросил в беде, и быстро пристроил несчастную родственницу, плотоядно облизываясь на мои отнюдь не маленькие сиськи, каждый раз рождая во мне волну острейшего отвращения. Сцепив зубы, я делала вид, что не понимаю его плоских намеков, терпеливо ожидая, когда все уляжется, и Милка сможет меня забрать к себе. После нашего побега, Колька передавал директору нашему не сладко – рвет и мечет, а гости посыпались к нему как из рога изобилия, прочесывают изо дня в день все здание детского дома вдоль и поперек. Затем вышли на Милку, которая к тому времени обратилась по случаю своего совершеннолетия в департамент образования, устроилась учиться в училище на факультет делопроизводства. Тонко сработав, Милка обеспечила себе публичность, а следовательно и безопасность, хотя за ней и присматривали денно и ночью, отчего видится мы с ней пока не могли.

Хлопнула входная дверь, и на пороге возник толстый, неряшливый и абсолютно седой Толян, как звали нашего «спасителя». Бросив небрежно на стол пакет с продуктами, справляясь с тяжелой одышкой, он тяжело опустился на стул.

– Девки с работы еще не явились? – Прогундосил Седой, я отрицательно помахала головой. Тут следует сказать, что

помимо меня в двухкомнатной квартирке на окраине Москвы жили еще четыре девушки, днем работающих на рынке, а ночью... Я запрещала себе думать о том, куда они отлучаются каждую ночь, по двое.

– Дело есть. – От его пониженного тона сердце пропустило удар. – Сколько ты здесь, Белла? Месяц? – Я снова молча кивнула, чувствуя, что данный разговор к добру не приведет.

– Я тебе кров дал? Дал! Помог? Помог, спас твою шкуру, пришла и твоя пора помогать. Долги надо возвращать, Белка. Сечешь? Значит так. Сегодня поедешь по одному адресу. Там будет благотворительный вечер, хрен его знает чего, у богачей что ни вечер так, обязательно благотворительный. Нужно спереть один документ вернее файл. Не криви морду, знаю, что ты не такая, но деваться некуда, Белка. Взяли меня за задницу. Кровь из носу надо достать файлы, не то мне пулю в лоб, а вам пинка под зад. А в твоём случае это все, тушите свет – сливайте воду. Тебя в розыск объявили.

От его слов пол под ногами закачался, и я обессилено опустилась стул, чувствуя, как лечу в пропасть липкой мерзкой грязи. Я далеко не дурочка, и знаю, что от нее так просто не отмыться. Она засасывает как голодная тряпина, утягивает на дно порока и разврата, до смешного, за мизерную плату – за крышу над головой и кусок хлеба.

Седой не сводил с меня своих тяжелых глубоко посаженных глаз, тщательно сканируя каждую эмоцию на моем лице, которые я, как, ни старалась, не могла спрятать.

– Я не смогу, Толик, – жалобно проблеяла, надеясь на его благоразумие, но он только хмыкнул, опуская взгляд на мои губы.

– Придется постараться, Белка. Подумай сама, кто еще с этим справиться? Жанка? Верка? У этих шлюх на роже написано кто они, их же на пушечный выстрел к воротам не пустят. А ты самое то. Красотка редкостная. Ты будешь украшением вечера. А когда эти жида нажрут, ты поднимешься на второй этаж, – тут он жестом фокусника достал из кармана большой лист, на котором была изображена план – схема, и разложил передо мной на стол, тыча грязным пальцем в нее стал объяснять что к чему. Я слушала его сквозь шум в ушах, неотрывно следя за грязным обрубком ногтя, снующего по нарисованному коридору, к помеченной двери, не в силах поверить, что смогу решиться на подобное, прокручивая в голове свой отказ. Как ни крути, а идти было некуда. До ужаса боялась высунуть нос на улицу, не говоря уже о том, чтобы сделать то, что он просит.

– Не ссы, на вечер пойдешь с Рефатом. Он потянет на заморского гостя. Приглашения вам привезут к вечеру, как и платье, и все что к нему требуется. Выбора у нас нет, Белл, оттого и к тебе пришел просить.

Я крепко зажмурилась, чувствуя, как внутренности сводит судорогой, и едким предчувствием какой – то необратимости.

– Нет, Толик, я не смогу! – Твердо произношу, чем мгмо-

венно сталкиваю себя в пропасть желчного гнева своего «спасителя». Он больно дернул меня за волосы, приложив со всей силы на столешницу, вывернув одной рукой обе руки сразу.

– Послушай меня, пигалица, да послушай внимательно! Ты целый месяц жрала за мой счет, так что в ногах должна валяться, а не коники показывать! Ты пойдешь туда, даже если мне придется тащить тебя туда за волосы, а после того как ты все сделаешь пустить по кругу за твою строптивость, усекла?

– Да, – шепчу, сквозь слезы.

– Вот так. Садись, – толкает меня обратно на стул, – теперь внимательно слушай и запоминай...

По многочисленным ступенькам поднималась, словно деревянная статуя, леденя изнутри от ужаса происходящего и той миссии, которую на меня возложил Седой. Передо мной в ярких неоновых огнях сияла огромная парадная, где пожилой мужчина в костюме тройке, прямой как палка, радушно, с особым достоинством приветствовал гостей. От напряжения взмокли ладони, по спине скользил ледяной пот, я то и дело оглядывалась назад, выбирая момент, чтобы позорно удрать. Рядом вышагивал такой же отвратительный Рефат, которого предполагалось выдать за заморского гостя. Я чуть покосилась на него, втайне завидуя его невозмутимости. Высокий, смуглую кожу оттеняла белоснежная рубаш-

ка, черные вьющиеся волосы зачесаны назад, словом представительного вида дядька, и я вместе с ним. Конечно, ни у кого не возникнет и сомнений, в каком статусе я сюда пожаловала, и от этого становилось еще горше. Всю дорогу он пытался меня разговорить, делал недвусмысленные пошлые комплименты по поводу моего платья, которое особой радости во мне не вызвало, по случаю своей шаблонности, и даже предложил помощь, естественно после того, как я достану – таки злополучный файл. О том, что компьютер я видела два раза в жизни – на столе у директора ноутбук, и в компьютерном зале – старый допотопный, никто и слушать не хотел.

Каждый шаг давался с невероятным трудом, я будто поднималась на эшафот, подталкиваемая тяжелой твердой рукой своего напарника. Радужный старик скользнул по мне презрительным взглядом, оглядев с головы до ног, и я мгновенно вспыхнула до корней волос. И это только начало, пропищал встревоженный голосок внутри, то ли еще будет. Парадный зал встретил нас ярким светом, сверкающими лампами под самым потолком, тяжелым ароматом смешанного изысканного парфюма, и ослепительным блеском драгоценных камней на приглашенных дамах. Они с радостью принимали в свои объятия блики яркого света, вспыхивая всеми оттенками радуги. В какой – то момент, я даже позабыла о цели своего визита в это место небожителей, и разинув рот рассматривала чужую жизнь, словно нищенка в замочную скважину, остро ощущая неуместность своего присут-

ствия. Так много людей я впервые видела на своем веку. В глазах тут же зарябило от разноцветной палитры дамских нарядов, и задохнулась от лавины смешанных чувств. Хотелось развернуться на сто пятьдесят градусов и бежать от сюда со всех ног, ибо обратного выхода мне не видать. Взгляд зацепился за представительных широкоплечих мужчин в черной форме у главного входа, и снующих туда – сюда по периметру. Ноги сильнее задрожали, и я подсознательно вцепилась в руку Рефата.

– Расслабься Белла. Ты словно в загон со львами попала. У тебя на лице все написано, вот возьми, – дал знак пробегающему мимо официанту с подносом, и взял высокий тонкий бокал с шампанским. – Тебе нужно немного снять напряжение.

О том, что я пью первый раз в жизни он конечно же даже не ведает, а я с трепетом принимаю из его рук бокал. В нос тут же ударили ароматные пузырьки, но я уверенно сделала первый глоток. Прохладная сладкая шипящая жидкость оросила пересохшее горло, гася внутренний бушующий пожар, утоляя снедающую меня жажду. Выпив залпом остатки, я вопросительно посмотрела на Рефата, но ответить ему не удалось. К нам подошел высокий седовласый мужчина, на руке которого висела такая же молоденькая девица, как я, во взгляде которой сквозила откровенное превосходство и насмешка.

– Рефат, рад тебя видеть! Как долетел? Не сильно тебя по-

мотало в небе? Такая гроза была, удивительно, что ваш самолет не пострадал. – Обратился мужчина к моему спутнику, а сам пожирал меня алчным взглядом. Я тут же порадовалась, и мысленно поблагодарила Верку, которая дала свое платье взамен тому, что мне принес Сейдой. Все прикрыто, целомудренно и просто, в отличии от девицы напротив. В ее декольте даже можно было рассмотреть розовые торчащие соски, которые она с гордостью демонстрировала всей толпе.

– Спасибо за беспокойство друг, признаться натерпелся я страху, но как вы русские любите говорить – Слава Богу, что все закончилось хорошо. – Произнес Рефат с сильным восточным акцентом. Я украдкой бросила на него взгляд, отчего он только крепче прижал меня к себе, актер бля погорелого театра.

– Познакомишь? – Кивает на меня, блуждая липким взглядом груди, обтянутой белоснежной тканью, рождая на спине рой холодных и таких же липких омерзительных мурашек. – Этот цветочек просто не может быть твоей дочерью, я прав?

Рефат загадочно улыбнулся, едва заметно кивнув.

– Так же как и твой Марат Всеволодович. Твоя роза уже распустившаяся, ароматная и дерзкая. А моему бутону только предстоит распуститься. – Иронично изрек мнимый заморский гость.

Что сие значило я совсем не поняла, лишь уловив предупреждающий взгляд мужчины, впрочем Рефат держался уве-

ренно, и я решила не предавать их гляделкам особого значения. К нам снова подошел официант, и я уже не спрашивая подхватила бокал, грациозно отсалютовав мужчинам, торопливо выпила его содержимое. Мужчины напряженно распрошались.

– Через пять минут, этот индюк пригласит некоторых мужчин в западное крыло, в конференц зал, – тихо проговорил Рефат, чуть наклонившись, обжигая горячим дыханием шею, – ты сейчас идешь по направлению к дамской комнате, там покрутишься в коридоре, и как только они пройдут мимо, возвращаешься и поднимаешься на второй этаж. Двое охранников последуют за ними, у тебя будет время проскользнуть наверх. Там все по плану. Пошла!

Но по плану не вышло, как я в удушающем страхе и предполагала. Рефат легонько подтолкнул меня к выходу из зала, и я уныло побрела к дамской комнате, глядя себе под ноги. В голове ревелось чувство опасности, набатом било по барабанным перепонкам, жаля сердце острым предчувствием надвигающейся беды.

Как только стайка мужчин прошествовала в параллельно коридоре напротив, я на ватных ногах поплелась к лестнице, на которой к моему величайшему облегчению никого не оказалось. Метнулась уже бодрее наверх, быстро отыскала нужный кабинет, и воспользовавшись отмычкой, успешно проникла внутрь. Яркие огни ночного города и фонари напротив довольно неплохо освещали кабинет, на котором, как и

говорил Седой лежал ноутбук. Быстро подошла к нему, подняла крышку. На этом собственно и все мои познания взаимодействия с данной техникой и заканчивается. Я предполагала, что просто открыть его достаточно, но проклятый ноутбук не хотел включаться. Липкий вакуум паники сомкнулся над моей несчастной головой, и я принялась тыкать во все кнопки подряд, когда противная машина все же соизволила запуститься, озаряя полумрак комнаты ярким светом вспыхнувшего экрана и мирным тихим гудением.

Не успела я облегченно вздохнуть, как дверь в кабинет стремительно распахнулась, и в светлом проеме возникла высокая массивная фигура.

– Ах, ты шлюха поганая! – В два прыжка мужчина, по всей видимости, охранник, который по всяческим подсчетам Седого и Рефата должен был последовать за мужчинами, и охранять их жутко важные разговоры, очутился рядом, и наотмашь, одним ударом свалил меня с ног.

Я даже боли не почувствовала, находясь в шоковом состоянии, и тараша на него в ужасе глаза снизу вверх.

– А ну – ка, давай прогуляемся куколка, тебе понравиться твое новое место жительства, которое как нельзя лучше подходит таким сучонкам, как ты! – Дергает меня вверх рывком как нашкодившего котенка, и бесцеремонно тянет к выходу.

Сильной рукой тянет меня за собой, а я от ужаса не чувствую ни пола под ногами, ни ног, спотыкаясь, буквально висну на нем. И как только он вталкивает меня на забро-

шенный грязный чердак, совершенно пустой, если не считать немногочисленных разбросанных грязных коробок, во мне что – то с шумом взрывается, и весь накопившийся страх и напряжение за день выливается в оглушительный раздражающий крик.

Кажется, он хлестал меня по щекам, скорее чтобы успокоить, нежели причинить ощутимый вред, но затем, окатив отборным матом, связал сзади руки, крепко зафиксировав повязку на глаза, бесцеремонно толкнул на бетонный пол, удалился, пообещав вскоре вернуться.

Сколько я пролежала на холодном бетоне не знаю, время будто замерло в ледящем душу пространстве, в котором не раздавалось никаких посторонних звуков кроме моего обреченного жалкого поскуливания.

Когда до моего замутненного сознания долетели легкие едва уловимые звуки шагов, я подобралась, села, завертев головой, прислушиваясь. Со стопроцентной уверенностью я могла поклясться, что рядом со мной находился кто – то еще. Сердце ухнуло куда – то вниз, тут же пустившись вскачь. Я каждым восставшим волоском на теле ощущала чужое присутствие, хотя ничего больше, кроме моего обостренного восприятия на это не указывало. Кто – то замер прямо напротив, давя тяжелой опасной аурой, которую, если бы не связанные руки, я могла бы потрогать руками. Мое тело непроизвольно затряслось мелкой дрожью, но собрав всю свою волю в кулак, я заставила себя произнести:

– Кто здесь? – И тут же скривиться от собственно сорванного хриплого голоса.

Неспешные шаги проследовали ближе, и я учащенно задышала, словно загнанное животное, уловив древесный с цитрусом и нотками мяты аромат, окутавший меня с ног до головы. Мужской, сильный, агрессивный... Нет, нельзя сказать, что мужчина намеренно облил себя парфюмом. Он улавливался легким шифоном, словно принадлежал мужчине, сроднился с ним, которого я не могла увидеть. Воображение рисовало мне, вопреки моему положению, рокового властного человека, не юношу, потому что сильно тяжела его аура. Слишком бескомпромиссный магнетизм давил к полу одним присутствием, и не будь я так ошеломлена его появлением, то непременно отвесила б себе хорошую оплеуху, дабы собрать расплзающиеся постыдные мысли в кучу.

Горячая ладонь коснулась щеки, и я не сдержала испуганного вскрика, дернувшись от неожиданности всем телом.

– Шшш, – раздался успокаивающий шепот у самого уха, пронзивший меня насквозь. Тело тряслось как у нашей детдомовской уборщицы алкоголички, и как ни старалась ее усмирить ни как не получалось, а ладонь между тем замерла на моих искусанных губах, очертив каждую по очереди большим горячем пальцем.

– Не надо... пожалуйста... – Сиплый голос рассекает повисшее между нами напряжение, и я замираю, словно громом пораженная, потому что чувствую его лицо напротив.

Он пристально сканирует меня, на что отзывается каждая клеточка моего тела, каждый атом, затем горячее дыхание, такое же вкусное и ароматное как он сам, касается моих губ. Дергаюсь в сторону всем телом, но его руки тут же берут в захват мое лицо и ... Он целует меня.

Меня прошивает высоковольтным разрядом. Он. Пробует меня на вкус. Неторопливо. Легко и между тем властно. Клеймя.

Все закончилось до преступного быстро, и как только мне удалось собрать себя воедино, губ коснулся холодный воздух, а в невидимом пространстве уже не ощущалось его присутствие. Я тут же вытянулась в струнку, когда со стороны входа послышался звук проворачиваемого ключа, и над головой вспыхнул яркий свет.

Тяжелые торопливые шаги остановились рядом со мной, над головой раздался противный похотливый голос.

– Какая встреча, мой нераспустившийся, но уже такой грязный и потасканный бутон...

Такой же омерзительный каркающий смех раздается сверху. Марат Всеволодович, собственной персоной.

– Рад приветствовать, мой цветочек, в своих, так сказать, родных пинатах!

Глава 3

С меня резко сдергивают повязку, и я щурюсь, от обилия выступивших слез и яркого света.

– Думаю, мы продолжим разговор в более уютном месте, уверен, ты сможешь искупить свою вину. – Плотоядный взгляд останавливается на задранном вверх подоле, и я пытаюсь его как – то отдернуть, с завязанными руками получилось так себе. – Разумеется, после того, как все расскажешь, и я определю степень твоего наказания, лапушка.

Все тот же охранник снова резко дергает меня на себя, и с моих губ срывается стон боли. Затекшие суставы пронзила резкая боль, но им на это плевать. Покидаем холодный чердак, чему я признаться очень обрадовалась, и перемещаемся на два этажа ниже, в один из кабинетов, но не в тот, злополучный, где я так бездарно попалась.

Кабинет был очень похож на предыдущий, в нем было так же тепло и уютно. В камине даже потрескивал огонь, рассеивая вокруг легкий запах горящих пряных поленьев.

– Игорек, развяжи, и иди погуляй. – Охранник, развязав затекшие руки, направился к двери, а я замерла, намеренно долго растирая их, выбирая правильную линию поведения, решая, что лучше не скрывать, а что сказать. В этих играх правил не существовало, да и чего душой кривить, играть

в них совершенно не умела, поэтому сама мысль о пытках, доводила меня до обморочного состояния.

– Я слушаю тебя, – откинувшись в кресле, многозначительно изрек мужчина, сверля меня недобрым взглядом. Его тяжелый взгляд выбивает из колеи, давит своей абсолютной властью, заставляет сдаться, что я уже и собиралась сделать, выложив всю подноготную, как на духу. От волнения путаются мысли, руки дрожат мелкой дрожью, и я тут же завожу их за спину.

– Собственно... – Мысли снова припустились в разные стороны, и я опустила низко голову, сдерживая набежавшие слезы, которые все же сорвались и закапали на белоснежный подол.

– Поверить не могу! Ты что... Ты плачешь? – Его тон меняется, и теперь в нем сплошное неверие щедро разбавленное негодованием. – Или это такая тактика сохранить свою шкуру?

– Нет, – машу головой, несколько раз глубоко вздохнув, пытаюсь взять себя в руки.

– Кто ты? – В нетерпении отрывисто спрашивает Марат Всеволодович, разглядывая теперь с интересом.

– Меня зовут Белла. То есть Изабелла. Я из детдома. – Справедливо решая, что подобную информацию он при желании и так выяснит, если уже не выяснил.

– И как же тебя угораздило попасть к Рефату, Белла из детдома?

– Я сбежала оттуда. Из детского дома. А Седой, словом, так вышло. И когда они мне поручили спереть с вашего компьютера файлы, я была совсем не в восторге. Но, как видите, моего мнения никто не спрашивал. Я не хотела. Честно. – Зачем – то ляпнула в конце. Едва не добавив «пионерское».

Мужчина долго сверлил меня взглядом, очевидно переваривая полученную информацию, затем равнодушно изрек.

– А что искала?

Я пожалала плечами, немного задрала подол, отцепив крошечную флешку, и положила перед ним на стол.

– Вот. Рефат сказал, что это нужно было вставить на несколько секунд в ваш ноутбук, и программа сама все скопирует. А я... Я ни разу им не пользовалась.

На лицо Марат Всеволодовича было страшно смотреть, я отступила, мысленно простившись с жизнью сетуя на свой длинный язык.

– Суки!!! Да я их!!! – Резко провел рукой по волосам. Вскакивая со своего кресла, идет к бару, который я сперва не заметила в углу. Наливает коньяк, и залпом выпивает до дна. – Значит так, с этими г*андонами я обязательно разберусь, а с тобой – то что делать? – Потом немного подумав, снова повернулся ко мне лицом, пристально разглядывая. – Рефат содержит шлюх на съемных хатах, не сказать чтоб элитных или каких – то особенных, так, среднячок. Ты – то чем там занималась? Тоже шлюха?

– Нннет, – заикаясь, выдавила я. Конечно, я догадывалась,

куда отлучаются девочки ночью, но попросту предпочитала об этом не думать. Меня не трогают, да и ладно. Старалась сидеть, как мышка, и не обращать на себя внимания, терпеливо ожидая, когда Милка меня заберет.— За меня договорился Поликарп, то есть сестра, ну в общем, я только некоторое время должна была там пожить. Моя сестра вскоре заберет меня. — И на его вопросительный взгляд тут же поправилась. — Поликарп, он тоже из детдома. И сестра тоже.

— Понятно. Хотя хер знает, что понятно... Ладно. Поздно уже. Ночь глубокая на дворе. Завтра разберемся, что с тобой делать. Игорек!— Крикнул Марат Всеволодович, и тут же в дверях показалась его голова, словно он дежурил под ней. — Отведи ее в комнату, возле Таськи.

— Что вы думаете?

— Да хрен его знает что! Ясно же, что девку отправили сюда для отвода глаз. Ну, какой из нее секретный агент, она же даже ноутбук видела только в глаза. Я не думаю, что Рефат и тот, кто за ним стоит такой долбо*б, чтобы неопытную девку сюда заслать. Но однозначно, они хотели, чтобы девку мы увидели. И придержали здесь. Рефат знал, что ее повяжут. Не мог не знать про камеры на каждом шагу.

Игорек поднялся и направился к высокому до потолка шкафу из красного дерева. Открыв дверцу, долго рассматривал папки, затем отыскав нужную, направился к столу. Открыл ее и принялся листать. Марат Всеволодович терпеливо

ожидал результата, знал, что интуиция Игорька никогда не подводила.

– Вот, взгляните. – И положил на стол фотографию невзрачной шлюшки из архива Рефа.

– И что? Не тяни, Игорь, у меня нет настроения разгадывать твои ребусы!

– Она вам никого не напоминает?– Марат снова взглянул на фотографию не улавливая его мысль.

– Ну, хорошо. А если вот так?– На стол опустилась фотография той же девушки, только в светлом парике, волосы которого опускались до самых ягодиц.

Марат Всеволодович резко захлопнул папку глядя на разворот.

– И что бы это могло значить, мать твою?– В растерянности произнес мужчина.

– Девчонка сказала – у нее есть сестра. Все очевидно.

– Так за каким хером ее послали сюда?– Отнюдь не благородно взвизгнул мужчина.– Бля*ь, знаешь где видал я эти игры? Завтра чтобы этот пид*р Рефат был у меня! Он у меня сам шлюхой станет, заморской, на таких спрос велик!

– Завтра он будет у вас. Но есть еще кое – что. Марат Всеволодович, Борис пробил по системе, кто – то все же в нее входил сегодня ночью. С того же кабинета. Следов взлома нет. Работал профи, я бы даже сказал хакер. Войти в систему, не оставив следов невозможно.

– Но бля*ь, все же кто – то в нее вошел? И что он там

искал? Или я похож на гребанного лоха держать секретные материалы в доме где держу шлюх?— Мужчина, в который раз вскочил на ноги и принялся нервно мерять комнату.

— На этот вопрос трудно ответить. Борис работает. К утру будут результаты.

— Я знал, что связавшись с Забродным ничего не выиграю, черт бы его побрал.

— Забродный нужный человек. Но я подозреваю, что ведет свою игру. В городе что — то происходит. Наш официант подслушал, разговор Зои Рекутовой с подружкой. Она пожаловалась, что неделю назад был убит ее брат — Станислав Рекутов. Его тело нашли на заброшенном заводе, с дыркой в голове и сердце.

— Работа киллера?

— Очевидно.

— Но тогда как он оказался на заброшенном заводе?

— Может от него что — то хотели? Учитывая его давнюю деятельность в области геной инженерии во Франции.

— Бля*ь! Я так и знал, что не стоит ввязываться в этот проект. То, что знают двое, знает и свинья! Марта говорила, что за ней следят! — Припомнил мужчина пьяный бред одной из своих шлюх.

— Марта наркоманка со стажем. Кому она нужна.

— Не скажи. Ты знаешь, кто ее снабжает наркотой? Гена. А Гена под кем ходит?

— В любом случае стоит осмотреться вокруг. Завтра пушу

ищеек. С девкой что делать будем.

– Решим. С Рефатом надо сначала потолковать.

– В расход ее надо. Чуйка нехорошая в отношении нее. Девка ушлая, хоть и с придурью. Такие особенно опасны, без царя в голове. Не зря ее сестра под нее косила.

– Вот и узнаешь завтра у Седого, что за херня происходит. А там уже решим, в расход – значит в расход...

Я отлепилась от замочной скважины, и метнулась в дальний темный угол, вжимаясь в нишу, сканируя взглядом темный коридор. Нигде не видно камер, но это не значит, что их здесь нет. Игорек закрыл меня в одной из комнат, справедливо полагая, что там я и останусь. Но жизнь в детском доме, в компании Кольки и Поликарпа, многому научила меня, в том числе и открывать замок подручными средствами. И как только шаги охранника стихли, ровно через пять секунд, я тенью метнулась по коридору. Выглянула из – за угла в тот момент, когда беспечный Игорек входил в кабинет. Из всего услышанного мало что поняла, кроме того что мне надо срочно убираться отсюда, пока меня не пустили в расход, как выразился ненавистный Игорек.

Покинуть здание не составило труда. Спустившись вниз по запасному входу, открыла окно и выскользнула прямо в холодную октябрьскую ночь. Огляделась по сторонам, в поисках камер, и быстро нырнула в кусты. Ползком пробралась к забору, и легко перемахнув через него, пустилась со

всех ног прочь. Тучи низко висели над головой, с реки тянуло ледяным холодом, предвестником первых заморозков, но упрямо шагала вперед, обхватив себя руками, отчаянно дрожа всем телом, напевая детскую песенку про мамонтенка. Как ни странно именно она всегда мне помогала держаться, не смотря на печальный сюжет. На часах уже перевалило за полночь, когда я промерзшая до костей, взялась за ручку двери подъезда, но та сама распахнулась прямо перед моим лицом, едва не расквасив мне нос. Навстречу мне выскочил злой как черт незнакомый парень, крепко ухватив меня за локоть.

– Вот где ты сучка! Я тут битых два часа торчу, Рефат сказал сегодня отсюда тебя забрать, а ты снова подорвала его доверие! Тебя уже заждались, а ты шляешься непонятно где! Живо в машину, тварь, я потом с тобой разберусь!– С силой толкнул меня в открытую дверь. Язык прилип к небу, и страх снова заклокотал внутри.

– Я ничего не понимаю. Куда мы едем?– Проблеяла я, хлопая глазами, заторможено глядя, как парень ловко вырулил со двора, разгоняясь по пустынной дороге. – Где Седой? – Дошло до меня наконец, спросить.

– Там будет ждать. Пиз*юлей выпишет тебе конкретных. Почему так долго?

– То есть?

– Во сколько должна была вернуться? – Недовольно проговорил парень, поглядывая в зеркало заднего вида.

– Там такое произошло... Я сама поговорю с Седым.

– Ну уж точно не я буду ему объяснять, что тебя задержало. Он кстати злой как черт! Не завидую я тебе.

Предстоящая встреча с Седым так быстро не особо порадовала. Очень красочно он расписал, что со мной будет, если я не достану злополучный файл, и сейчас, ерзая на кожаном сиденье огромного внедорожника, я в отчаянии чувствовала себя агнецом перед закланием. Затем мысли перетекли на скорбность моего существования, и слезы опять потекли из глаз. Говорят, что за белой полосой обязательно последует черная, также и наоборот. Только я всегда думала, что жизнь в детском доме это и есть черная, которая вот – вот должна повернуться к нам другой стороной. Но выбравшись в большой мир, вдруг засомневалась в правильности своего восприятия. Язык не поворачивается теперь сказать что жизнь в детском доме была так уж и плоха. Может вернуться обратно?

Но этот вариант быстро растворился в недрах моего сознания, потому как мы остановились возле высотки стального цвета. Паренек повернулся ко мне, и ухмыляясь прошелся липким взглядом от макушки до оголенных колен.

– Прибыли. Держи пропуск, красота. Девятый этаж, номер 201. Давай, тебя ждут.

Я выбралась из машины и под пристальным взглядом своего конвоира поплелась к дверям. Поднимаясь в роскошном лифте, гадала, что скажу Седому, чтобы он не пустил меня

по кругу, как совсем недавно грозился, но внятных объяснений не находила, от того хотелось выть в голос.

Лифт замер на девятом этаже и двери распахнулись, выпуская меня в коридор. Ноги утопали в толстом ковре, заглушая звуки тонких каблучков, я осторожно подошла к указанному номеру, и замерла под дверью, переводя дыхание и собираясь с силами.

Прикладываю электронный ключ, но дверь вдруг поддается и бесшумно открывается. Не очень похоже, будто меня здесь кто – то ждет, а звенящая тишина расплзается по коридору, опутывая отяжелевшие вдруг ноги. Разъедающая тревога поднимается глубоко изнутри. Ноги всё же делают шаг за шагом. Я не знаю, что ожидала увидеть, но только не то, что открылось моим глазам. Мир взорвался пронзительной вспышкой боли, и я хрипя падаю на колени, хватая раскрытым ртом воздух. Крепко зажмуриваюсь, в надежде, что это только глюк моего измученного мозга, но нет, и я вновь загибаюсь от боли пляшущей в каждой клеточке моего тела, боясь поверить собственным глазам. Меня ведет, и внутренности сводит судорогой, отчего меня выворачивает наизнанку прямо на белоснежный пушистый ковер.

За какие грехи меня так наказали? За чтоооо?

Протяжно вою, сирым обессиленным голосом. Что я сделала такого, что судьба снова так больно бьет меня в самое сердце, не щадя? За что? Отнимает самое дорогое?

Это самое дорогое сейчас в луже почерневшей крови на

белоснежных простынях лежало с перерезанным горлом. Глаза раскрыты... В них ... Господи в них замерло чувство, которым она никогда ни на кого не смотрела, даже на меня... Безграничная любовь. Поклонение, готовность принять любую участь из рук своего мучителя. Милка в парике, светлом, но не белоснежном. Ее волосы так похожи на мои, она вся похожа на меня, даже родинка под глазом, как моя. Но зачем? Милка, скажи зачеем?

Но Милка не ответит больше никогда. Так и останется в моей памяти, такой как сейчас, глядя в сторону ужасным взглядом полным любви.

Потом обращаю внимание на ее наряд, и кровь стынет в жилах. Белое простое платье, до колен, сейчас задранное до самой талии, но под ним, нет белья. Огляделась по сторонам, оно нашлось почти у самого входа. Значит, у Милки здесь было свидание?

Ага, свидание... Скоро и у тебя будет таких свиданий куча, хоть каждый день, за умеренную плату! Пищит противно тоненький голосок внутри, и я затыкаю уши, чтобы не слышать его. Не слышать той правды, которая и так нелицеприятно открылась моим глазам. Не быть свидетелем того как низко пала Милка, ибо весь ее вульгарный облик, не смотря на скромное платье так и вопил о ее принадлежности к древнейшей профессии.

Поднимаюсь на ноги, и только теперь в поле моего зрения попадают мужские ботинки, потом толстые короткие но-

ги Седого. Вскрикиваю, тут же зажав рот руками.

И Седой тут. Но не с таким же украшением как у Милки. По поле в груди и голове, успеваю отметить этот факт.

Пячусь к двери, когда легкий шум поднимающегося лифта, словно выталкивает меня из прострации. Выскакиваю за дверь на ватных ногах, захлопываю дверь, и после секундного размышления, протираю подолом платья ручку двери, за которую бралась . Повертев головой по сторонам, бросилась по коридору , в темную глубокую нишу.

Глава 4

Я замерла, глядя на свое отражение в реке – Матушке, удивляясь, как забрела так далеко. Ноги гудели, и все чего я хотела, это упасть прямо там, где стою, и закрыть глаза, окунувшись в ледяные воды грязной реки, чтобы больше не чувствовать той агонии, что плясала сейчас во всем теле. Я задыхалась от нее, она с каждым мгновением разрасталась все сильнее словно раковая опухоль, питаясь моей энергией. Взгляд упал на темную гладь воды. Из отражения на меня глядела тоненькая перепуганная девочка, с растрепанными волосами, выбившимися из помпезной прически.

Тело уже давно перестало трястись от холода, потому что в моей душе теперь целая пустыня изо льда. Мне было плевать, что я могу заболеть, и умереть, плевать на окружающих, потому что для себя, глубоко в душе я уже все решила. Зачем оттягивать неизбежное? Зачем обманывать саму себя, ведь реальность во всей своей не прикрытой красе наотмашь ударила меня по лицу, хохоча в него злобным беспощадным оскалом. Я не хочу как Милка. Лучше сейчас, одним махом.

Посмотрела вниз, и сердце бухнуло куда – то в пятки. Я боюсь воды. До ужаса. До нервной трясучки. Подумав немного, достала из копны волос оставшуюся шпильку, и те густым покрывалом рассыпались по спине до самых ягодич.

Откусила защитный наконечник на шпильке, проверив ее остроту.

Когда – то давно, Поликарп в шутку рассказывал о самых мучительных способах самоубийства, называя идиотами ви- сильников и утопленников. Нет ничего хуже асфиксии. Ее боль имеет самую радужную оболочку, то есть все ее оттенки непременно постигнут того кто решит себя утопить или окажется в петле. Я тогда очень внимательно его слушала, себе на удивление. Наверное, уже тогда чувствовала, что моя непутевая жизнь непременно закончиться именно так.

Так вот, самый гуманный способ уйти из жизни, это пере- резать вены, или пробить сонную артерию. До сих пор пом- ню свой тонкий голосок, с интересом вопрошающий о ее ме- стонахождении на теле и холодное прикосновение Поликар- па к коже на шее. Его прерывистое дыхание и свой шок.

Прикоснувшись ледяными пальцами к шее, нащупав ее, и глубоко вдохнула, и замерла, слушая пробуждающийся го- род. Я не боялась смерти, куда сильнее я боялась того, что жизнь непременно поведет меня по Милкиному пути. Идти мне некуда. Вернее есть куда, но этот путь для меня закрыт. Лучше смерть.

Устало привалившись на высокие перила, крутя в руке тонкое острое орудие, когда невдалеке остановилась шикар- ная белоснежная машина и из нее выскочила высокая кра- сивая девушка в телесном брючном костюме, подчеркиваю- щем ее идеальную фигуру. Тряхнула каштановыми блестя-

щими волосами, и остановилась возле перил, глядя прямоком в распахнутую дверь автомобиля.

Даже будучи в таком состоянии, я поразились красоте и богатству, о котором кричал каждый отточенный жест незнакомки. Легкий ветер донес до меня умопомрачительный сладкий аромат парфюма, и я с завистью уставилась на нее во все глаза. Ничего прежде мне видеть не приходилось. Казалось эта девушка с другого измерения, прямоком из того самого журнала которые так старательно оберегали мои соседки по комнате в детском доме.

Из машины вальяжно выбрался молодой мужчина, и, подкурив сигарету, не спеша подошел к ней. Девушка, робко подняла руку, не решаясь коснуться, словно спрашивая позволения. Мужчина заметно напрягся, сбивая пепел прямо в реку с моста.

Он что – то отрывисто бросил, и лицо незнакомки пошло пятнами. Она отвернулась, отрывисто бросив в ответ, и только потом до меня дошло, что они говорят на чужом языке. Я с роду не слышала такого произношения, и принялась гадать, что же мужчина мог ей сказать такого, что ее так смертельно обидело, позабыв о своем судьбоносном решении.

После нескольких фраз, девушка закричала, кинувшись в драку, впрочем, мужик молодцом, одной рукой зафиксировал разозленную красотку, и все же докурил свою сигарету.

Щелчком выкинул окурки в реку, подтащил к машине и бросил ее прямо в распахнутую дверцу, быстро захлопнул

ее, и, дав знак водителю, снова отошел к перилам, подкуривая новую сигарету. Машина тронулась, и покатила в сторону города.

Я так увлеклась созерцанием чужой ссоры, что пропустила момент, когда мужчина обратил на меня заинтересованный взор. Впрочем, его заинтересованность мне скорее показалась. На его красивом лице сквозило равнодушие и скука. Словно он устал от всего даже от жизни в целом. Что – то зацепило меня в нем, что – то глубинное, на интуитивном уровне. От этой мысли я едва не расхохоталась в голос. Ну надо же! Что за чушь! Сказывается прошедшая ночь, не иначе. Где я, и где этот мужчина. Иначе бы мне не могло показаться, что мужчина натягивает на лицо соответствующую маску, обращаясь ко мне на русском. Ему даже повторить пришлось, а я густо покраснев, устала на реку, словно созерцание грязных вод, было жизненно важным занятием.

– Плохая идея, малышка. – Чуть хриловатый голос с бархатистой лентой, все же пробился сквозь мой стыд и неловкость. – Нет не разрешимых ситуаций.

Я в недоумении устала на него, пряча острый блестящий предмет глубже в ладонь. Мысли заметались как блохи, и поскакали вперед, при виде того, как он уверенной походкой подходит ближе.

Я запаниковала. Теперь ко всему прочему меня одолел еще и стыд. А затем злость. Конечно, можно философски рассуждать на тему бытия являясь, как он, представителем

богемной жизни. Какие в его жизни могут быть проблемы? Недостаточно начищенные ботинки? Остывший кофе? Или неудавшийся контракт? Гнев понимался из самых глубин, медленно вытесняя жалость к себе.

– Вот так гораздо лучше. Жалость плохой советчик. Я могу тебе помочь.

– А вы что Робин Гуд нового поколения? Защитник сирых и убогих? – Со злость выпалила я, роняя шпильку, мысленно чертыхаясь.

– Нет. Поверь. Такого желания я не испытывал уже... – Он на секунду задумался, – лет так двадцать восемь. Меня, признаться удивило, что такая девочка как ты обладает навыками Кин– Чи.

Теперь пришла моя пора удивляться.

– Ты же для этого подготовила острую шпильку. – Ровный то ли вопрос, то ли утверждение.

Я снова покраснела, отводя взгляд.

Я пристальней пригляделась к нему, бесстыдно рассматривая, приоткрыв рот в удивлении. Никогда я еще не видела таких, как он. Красивый мужик. Молодой. Навскидку трудно сказать, сколько ему лет. Может около тридцати. Высокий, темноволосый, широкоплечий. Одет с иголочки, хотя я в этом ни черта не разбиралась. На мой взгляд – красиво одет. Глаза глубокие зеленые, блестящие. Такие можно увидеть только на глянцевой картинке, правильный нос, и такой же красивый рот. Почему красивый? Не знаю, красивый и

все – от изгиба до полноватых губ. Правую бровь рассекает небольшой шрам, над губой родинка. Он был так красив, что резало глаза, и хотелось вглядываться в его лицо, проваливаясь в омут его зеленых глаз, на дне которых плескалось, то, что он поспешно спрятал за маской рубахи – парня. Я чувствовала это интуитивно, вместе со своими колкими мурашками, поселившимися с момента его появления на моей коже.

Он пытался быть простым мужчиной, но выходило это у него скверно. Не было в нем никакой шаблонности, возможно все дело в его ауре, и исходящем от него магнетизме, который притягивал к себе все в радиусе трехсот километров.

Незнакомец тоже время не терял. Проницательный взгляд задержался на волосах, затем опустился на лицо, которое тут же вспыхнуло помимо воли, потом оглядел мое платье, и замер на туфлях, а точнее на сломанном каблуке.

Я снова мысленно чертыхнулась, заводя ногу подальше от его взгляда.

– Мое предложение еще в силе. Поверь, это лучше чем то, что пришло в твою голову.

– Я. Не Шлюха. – Отчеканила по слогам, мысленно расставляя приоритеты, подсознательно отмечая, что уже согласилась на его помощь.

Предрассветную тишину взорвал его искренний смех. Должна признаться красивый и проникновенный смех. На щеках показались две ямочки, расположенные именно так,

как и мои собственные. Наверное, и его мама поцеловала при рождении, нехстати подумалось мне. Или сам Бог. Таких ведь и называют соответствующе – поцелованные Богом.

Только потом до меня дошла его оскорбительная реакция на мои слова. Подобравшись, гордо выпрямилась во весь рост, с достоинством глядя на него.

– Поверь, я в этом не нуждаюсь. – Еще раз окинул меня с ног до головы, усмехаясь.

Его усмешка в куче с проницательным взглядом отозвались еще большими мурашками, выступившими на коже, и я опустила низко голову. А он продолжил:

– Я так понимаю, ты согласна?

Я сдержанно кивнула.

– Хорошо. – Коротко ответил он потеряв ко мне всякий интерес. Кому – то позвонил, и велел его забрать. И снова это чувство. Его голос стал другим с оппонентом. Несколько фраз он обронил на чужом языке. Именно они звучали иначе, ломали созданную им иллюзию. – Машина скоро будет. У меня есть загородный дом. Я редко там появляюсь, там тебе будет комфортно. Моя экономка Анна, милая женщина, постарайся ее не огорчать.

Я раскрыла рот, не находя слов. Вот так просто, взять и привести чужого человека в свой дом? Возле нас остановился тот самый автомобиль, и мужчина галантно открыл мне дверь. Я неуклюже влезла в салон, отодвигаясь дальше, но мой благодетель, очевидно, не планировал последовать со

мною.

– До встречи... – и замер, к счастью я сообразила, наконец – то представиться.

– Белла. Меня зовут Белла.

– Еще увидимся Бель.

Только спустя годы я пойму, что встреча наша была отнюдь не случайной, как несвойственная ему благотворительность

Рефат дернулся всем телом, как только почувствовал, что не один в комнате. Все тело пронзило ледяное острое предчувствие, но было поздно. В кресле, вальяжно развалился мужчина в темном костюме, включая и черную рубашку. Единственным ярким пятном в его мрачном облике была бриллиантовая запонка. В руке бокал с его коллекционным коньяком. Рефат уставился на бокал, словно коньяк его в данной ситуации волновал больше всего.

– Не планировал нашу встречу, но как видишь, пришлось, Рефат. У меня к тебе несколько вопросов, советую отвечать честно и по существу. Может я и оставлю твою жалкую душонку поганить и дальше этот бранный мир.

Мужчина говорил спокойно и тихо, и вообще выглядел бы на редкость красивым, если бы не его взгляд. В нем плескалось не то безумие, не то жажда крови, не то хер знает чего, и Рефат почувствовал каждым напрягшимся нейроном, его

силу, таящуюся в прозрачной бездне. А также и то, что тот разговор может быть последним в его жизни. Ледяной холод уже дышал ему в затылок, отчего мужчина даже оглянулся назад, под презрительный смехок своего гостя.

– Девчонка. Откуда она у тебя.

Рефат сразу сообразил, что речь о пропавшей девке, от того и справиться с эмоциями не смог, скривившись. Ее искали, но чертова шлюха словно сквозь землю провалилась. Повнимательней пригляделся к мужчине, гадая, каким образом он до нее добрался. Наверняка еще не знает, кто она такая.

– Детдомовская девка. – Не стал отпираться Рефат.

– Рефат, это я и без тебя знаю. Второй раз я могу и не захотеть спрашивать. – Его тихий голос и без того упал до шепота, а у Рефата выступил пот на лбу.

– В детском доме Елесеева, ее и сестру крышевал наш парнишка. Елесеев промышлял тем, что особо смазливых девочек и мальчиков продавал, ну сам понимаешь. На девку эту поступил заказ еще давно, и если бы не жадность Елесеева, то она давно отправилась бы к какому – то извращенцу. Ее сестра, к слову, пожертвовала собой, отдав себя в пользование нашему доброму дядюшке директору, и пошла по наклонной. После Елесеева пошли другие. Хер его знает под кого он ее подкладывал. Но девку, Белку, никому не позволял трогать. Потом обе удрали с детского дома. Белобрысую у Седого спрятал. Решил придержать ее там. А Милка, ее сестра, у нас давно уже подрабатывает. Недели три назад

прошел слушок, что кое – кто заинтересовался Милкой, чужак. И если учесть что Милка косила под свою сестру, то выходит, что прицел велся на Белку.

– За этим и приперли ее на вечер к Лютому?

– Засветить ее хотели. Чтобы клиента пожирнее поймать. Согласись, такую девочку жалко пускать в общак. – Помялся немного, затем все же произнес. – Есть еще кое – что. Поликарпа, парнишку нашего замочили в том же детском доме. Но он успел шепнуть Седому, о том, что батя, вроде как объявился. Во всяком случае ее кто– то искал. Причем одну. От того и девку берегли. Сестру ее Милку, убрали. Вчера ночью. Это все что знаю.

Мужчина задумчиво глядел в полупусто бокал, затем поднялся, и неспеша пошел к выходу. Возле двери ненадолго задержался, и не оборачиваясь произнес:

– Прощай, Рефат.

И скрылся за дверью. Рефик вскочил и на дрожащих ногах, бросился к графину с коньяком. Только сейчас он ощутил всю степень напряжения, в котором пребывал. Не стал заморачиваться с бокалом, и прямо из горлышка влил в себя добрую половину оставшейся жидкости, обессиленно опускаясь в кресло. Не успел перевести дыхание, как грудь пронзила острая боль. В недоумении поднял глаза, встречаясь с ледяным пустым прозрачным взглядом. Ужасным взглядом, так должна смотреть сама смерть, успело отметить сознание, прежде чем навсегда погаснуть.

Тремя месяцами ранее...

Огни ночного города разнообразными оттенками скользили по гладкой коже обнаженного мужчины. Моника пристально следила за суетливым маршрутом, по его желанному телу, собственническим жестом положив тонкую ладонь на мускулистую спину, не позволяя отбирать свое. Ее взгляд скользнул к четкому профилю красивого лица, и родинке над губой, и в который раз поблагодарила судьбу за встречу с ним. Легкая улыбка расцвела на ее пухлых губах. Для нее это была роковая встреча. Удар под дых, и она с полной уверенностью могла бы поклясться, что любовь с первого взгляда существует. Ведь ей достаточно было одного единственного взгляда,

чтобы пасть к его ногам. Никто до него не забирался так глубоко в ее сердце. Ни кем она не была так одержима. Он ворвался в ее жизнь стремительно, как вольный ветер, такой же непокорный и недостижимый. Таинственный и сильный. Опасный. Как не уставал повторять ее отец.

Он сразу предупредил ее насчет него, даже запретил всяческое общение. Да разве она уже хозяйка своего тела и разума? И сколько не твердил ей отец, что он ей не пара, Моника от всего отмахивалась.

Она его раба. Навсегда. И этим все сказано.

Если бы тогда кто – то сказал девушке, что этот мужчина протащит ее через ад, она все равно бы ползла за ним, на коленях, на животе, без разницы, ибо ее потребность в нем была хуже наркотической зависимости. Это было в сотни, в тысячи раз хуже.

Моника почти ничего не знала о нем, кроме того, что рассказал ей отец. Их семья всегда сторонилась общества, никто о них ничего не знал, кроме него она лишь однажды видела еще одного мужчину, как ей показалось брата. Нет, предмет ее мечтаний, конечно, не представил его Монике, но по его потеплевшему взгляду и крепим объятиям, она почему – то решила, что это должен быть его старший брат. Они очень похожи, как две капли воды. Только во взгляде старшего темная бездна, в которую даже ей, дочери испанского дона, было страшно взглянуть.

Точно такая же темнота гуляла во взгляде и ее мужчины, в тех редких случаях, когда он глубоко задумался, или был зол. Он всегда быстро ее прятал, мастерски меняя выражения лица, по случаю, но и на это ей было глубоко плевать. Только бы рядом, только бы с ним. Пусть по краешку его темной мрачной бездны, но только чтобы возле него.

Ночную тишину нарушила тихая трель входящего звонка. Мужчина стремительно поднялся, не стесняясь своей наготы, на ходу отвечая на звонок.

Несколько секунд слушал оппонента, затем, не говоря ни слова отключился.

– Артемио, что – то произошло?– Хрипло проговорила Моника, прочищая горло, жадно скользя по его шикарному телу глазами.

– Ничего особенного. – Отстраненно тихо ответил он, но у девушки засосало под ложечкой, глядя, как мужчина потянулся к брошенной на пол рубашке.

– Ты покидаешь меня? – В ее голосе прорезается истерика, и Артемио кривиться, не скрывая своей реакции.

– Я улетаю в Россию, Моника. – Она вытаращила и без того огромные глаза, с трудом загоня свои страхи глубоко внутрь. Сколько раз она себе твердила, что такого мужчину нельзя привязать возле себя надолго, что у него в конце концов есть свои дела, но все тщетно. После длительной разлуки эта встреча, как глоток воздуха, как отчаянная и желанная доза его участия, порция его тактильных прикосновений, сдирающая с нее кожу заживо, для нее этого было так мало. Ничтожно мало. Сейчас ей с огромным трудом стоило держать себя в руках, и он это видел. Артемио не считал нужным скрывать свое неудовольствие ее несдержанностью, и это тоже ранило ее.

– Ты так быстро уходишь, Артемио, я могу привыкнуть к тому, что тебя нет рядом, – пошла она в ва – банк, на что у мужчины только иронично взлетела бровь.

– Вот как?– Его руки проворно застегнули все пуговицы, он поднял с пола белье и брюки. – Только учти, я всегда уважаю решения женщин.

Моника грациозно поднялась с постели, плавясь под его нечитаемым взглядом, и потянулась к нему, виновато опуская глаза, ругая себя за несдержанность.

– Прости. Ты же знаешь, как остро для меня ощущается твое отсутствие. – Руки пробежались по мускулистым предплечьям, преданный женский взгляд падает в прозрачную пустую бездну. Она вздрагивает, понимая, что мыслями он уже далек. Но отпустить не находила в себе сил.

– Когда ты вернешься?

– Не знаю. Месяц. Два. Как решу свои дела. – Артемио перехватывает ее руки, и она жалобно всхлипывает, вновь ласкаясь к нему.

– Я никогда не была в России, говорят это суровая и неприветливая страна, – руки снова ликуют, у них еще мгновение, чтобы пожить на его теле, воруя последние прикосновения. Все внутри вдруг замирает от подобной мысли, чтобы потом взорваться потоком ярости на собственную интуицию. Снова заглядывает в глаза.

– Ты покажешь мне ее?

– Когда –нибудь.

Не прощаясь он направляется к двери, и не оглядываясь, уходит.

Девушка леденеет от холодной пустоты, вдруг охватившей каждую клеточку ее тела. Тяжелое предчувствие уже алеет ярким заревом на горизонте ее сознания, и теперь она понимает, что так оно и есть. Ее мужчина, ее смысл жизни вско-

ре ускользнет, из ее цепких и жадных лап. Тяжело опустившись на смятые простыни, Моника долго смотрит невидящим взглядом в толок, представляя свою жизнь без него. И как ни старалась, не могла. Лучше смерть. От таких мужчин нет спасения, от них невозможно отмыться, их нельзя забыть и вычеркнуть из сердца.

Она будет бороться за него до конца, до последнего вздоха, а после будет смерть. Его или ее, там уж как судьба распорядится.

Милена, ранее...

Тонкие изящные руки девушки уверенно порхали, накладывая привычный макияж. Подведенные глаза устало всматривались в свое отражение, в душе закипала злость. Девушка бросила взгляд на часы, висевшие над каминной полкой, и мысленно чертыхнулась. Сегодня Седой снова вызвал ее к себе, толстый отвратительный подонок. При одной мысли, что снова придется его ублажать стоя на коленях, девушка содрогнулась от отвращения, крепко сжав полноватые губы. И как не уговаривала себя Милка, что это все скоро закончится, поделаться ничего не могла. Терпение никогда не входило в маленький список ее достоинств. Она всегда сама себе удивлялась, что так долго смогла продержаться в подобном статусе.

Когда ей предложили это дело, сделав ставку на ее внеш-

ность, Милена не раздумывая согласилась. Задание было до смешного простое, и она прекрасно вжилась в роль, до того момента, когда потеряла связь с заказчиком. Но и после этого она не расстроилась, ведь нужная сумма исправно приходила на ее счет, а местный красавчик так умело ее трахал, что от сокрушительных оргазмов судорогой сводило даже пальцы ног.

Когда однажды в положенный срок не пришло смс сообщение о входящих средствах, она решила действовать на свой страх и риск. Вот тогда – то впервые по – настоящему ужас происходящего скрутил нутро. Мужчина отправивший ее в это место, как сквозь землю провалился. Директор, Эдуард Эльдарович и без того пускавший слюни на пухлую попку девушки, теперь словно сорвался с цепи. Был дерзок, резок, и напрочь забыл, кому обязан появлением девушки и крышей этого сраного клоповника. Словом ситуация давно вышла из под многолетнего контроля, и как – то само собой она оказалась распростертая на его столе из красного дерева, сладко постанывающая от ощущения мощного члена внутри. Милка и не подозревала, что добропорядочный с виду Эдуард Эльдарович мог творить подобные выкрутасы, и с готовностью согласилась посещать вечерние сеансы в кабинете директора, прикрываясь благотворительной деятельностью для детского дома.

Через годик их плотной и совместной деятельности страсть директора потихоньку остыла, а Милка, словно крас-

ное переходящее знамя, стала промышлять благотворительной деятельностью за стенами детского дома, иными словами пошла по рукам.

А еще через годик, когда время ее пребывания в изрядно надоевшем клоповнике приближалось к концу, она встретила его. Мрачный, замкнутый мужчина, который свел Милку с ума.

Она много размышляла, на предмет того, чем ее мог покориť подобный тип, но так и не смогла ответить сама себе. Мужчина не отличался смазливой внешностью, был агрессивен и необычайно жесток, даже в постели, но это все приходилось ей по вкусу, и разорвать порочную связь не хватало сил.

В дверь коротко постучали, и в проеме возникла бритая голова Ворона.

– Чего так долго копаешься? Машина уже пришла. Ускоряйся.

Милка протяжно выдохнула, устроила на голове ненавистный парик, и потянулась к контактнм линзам.

Вскоре она уже спускалась по ступеням, в предвкушении предстоящей встречи. Сегодня ее ждало кое – что неожиданное, и омрачало ее настроение лишь одна деталь. Утром на ее телефон пришло странно смс «Куда пропал Дарк?», и что бы это могло значить, она не понимала. Но чувство надвигающейся беды, так и повисло над ее непутевой головой.

Глава 5

Дом, в который меня привезли, сначала поразил своими масштабами, а затем и роскошью. На пороге меня встретила пожилая высокая и улыбчивая женщина, заключив в объятия, отчего я тут же расплакалась. Все мое самодурство, как рукой сняло, под чужой участливой теплой рукой, скользящей по моей тонкой дрожащей спине, прожигая ее насквозь. Вдруг захотелось жить, дышать, и я даже себе боялась признаться, что меркантильность в моем решении играет не последнюю роль. Анна провела меня кухню, накормив горячим обедом, и напоив горячим травянистым чаем, показала мне мою комнату. Роскошную, такую же как и весь дом, светлую и просторную. Я долго бродила по ней, заглядывала в каждый уголок, не веря в то, что нахожусь здесь.

Мысли о Милке не дают моему сознанию ускользнуть в полную эйфорию, и я снова и снова возвращаюсь в тот номер, где так и осталась лежать моя сестра. Вот бы она была сейчас рядом. Сидела бы на этом дорогушем шелковом покрывале и рассказывала очередную душещипательную историю, или руководство по свободной жизни. Она всегда меня наставляла. И учила, учила... Тогда мне казалось она необычайно умна, знала жизнь, как никто другой, а по факту старалась меня уберечь от жестокой реальности, в которой для

меня уже приготовлено соответствующее место. Боль снова сковала диафрагму, и я обессиленно опустилась прямо на мягкий персиковый ковер, вытянувшись во весь рост.

Я старалась представить, как это жить без своей Милки и не могла. Как не пыталась не могла и все тут. Я понимала, что жить без нее все же придется и с ужасом представляла тот момент, когда этот незнакомец, наиграется в благородного рыцаря, и покажет мне на дверь. Куда я тогда?

И сразу же отвесила себе мысленную оплеуху за постыдные мысли, успевшие мелькнуть в измученном мозгу.

Где один, там и все остальные. Перед глазами предстает Милка с перерезанной глоткой, и моя решительность принимает твердую оборону. Нет, нет и еще раз нет...

Но все же червячок сомнения потихоньку грыз мою настойчивость, и мысль о постели с таким мужчиной уже не казалась чем – то вопиющим. В воображении всплывают его руки. Большие и крепкие, слегка мозолистые, и я представляю, каково это, когда такие руки трогают твоё тело...

Краска стыда заливает лицо, и я даже стыдливо по сторонам осмотрелась, затем опустилась обратно, пустившись в свое далеко не целомудренное путешествие.

Вскоре мысли стали путаться, и я провалилась в спасательный сон.

Год спустя...

Все та же промозглая осень, только теперь я встречаю ее, широко раскрыв для нее свои объятия. Низко клубится сизый туман, несмотря на обеденное время, багряная листва томно шуршит под теплыми ботинками, а я плотнее кутаюсь в соболий воротник теплого и изысканного пальто. Прошел ровно год с тех пор, как меня приютил случайный прохожий, мужчина, которого я видела только один единственный раз. Он перевернул мою жизнь вверх дном, и исчез, словно его ни капельки не интересовала девчонка, которую он поселил в своем доме. Я так упорно гнала от себя сравнение с уличной собачонкой, но оно каждый раз всплывало, стоило вспомнить его тяжелый непроницаемый взгляд. Да – да, именно так, подобрал с улицы бродяжку, накормил, поселил, и думать о ней забыл. Об этом говорили красноречивые взгляды, и тяжелые вздохи Анны. Но даже несмотря на полное равнодушие к моей судьбе хозяина дома, о чем собственно мне и заикаться было совестно, Анна, взвалившая на свои плечи заботу о дворняжке, как я себя мысленно называла, все же настояла на необходимости обучения. По ее утверждениям господин Лански, так звали моего благодетеля, жалованием прислугу не обижал, тратить ее было не на что, а родственников дражайшая Анна не мела. Ее безграничная забота вызвала во мне чувство жгучей тоски по материнским рукам, которых я не знала, и рождала улыбку, от того что мне все же посчастливилось испытать на себе подобную заботу и участие. В ее глазах светилась любовь, и каждый раз я сильно,

до крови закусывала губу, чтобы постыдно не реветь, каждый раз, когда теплые чуть мозолистые руки, с нежностью брались плести косу.

Ее желание мне помочь она объяснила тем, что в свое время и мистер Лански тоже очень ей помог, и по ее мнению пришла пора возвращать долги судьбе. Что сие значило, я не поняла, но в ее стремление устроить мою жизнь не вмешивалась.

Когда человеку прожившую всю свою сознательную жизнь предлагают выбрать направление обучения, то он естественно упирается в тупик. Я не могла себя представить ни в одной сфере предлагаемых вариантов, от того злилась на себя еще сильнее.

Мечтала ли я когда – нибудь о подобном? Нет, конечно. По окончании средней детдомовской школы у нас дорога была одна – в техникум, широкопрофильное училище, и, для самых одаренных колледж. Но никак не столичный ВУЗ, отчего я впадала не просто в панику, в паническую прострацию, безвольно скользя взглядом по глянцевым брошюркам для абитуриентов. Все же решающую роль в выборе профессии сыграла Милкина смерть, и под неодобрительный взгляд любимой Анны, я молчаливо подсунула ей яркую бюллетень высшей школы милиции МВД, выбрав уголовно – правовой профиль.

Что меня ждет после обучения, я представляла весьма смутно, но упрямо обложившись книгами грызла гранит на-

уки, решив не просто плыть по течению, а все же внести свою лепту в старания Анны. К моему величайшему изумлению мое имя в списке зачисленных студентов, с хорошим проходным баллом, все же имелось, а это значило, что жизнь моя снова совершила судьбоносный кульбит.

Крепко задумавшись, я не услышала шагов за спиной, и когда холодные ладони сомкнулись на моих веках, я вздрогнула всем телом, мысленно выругавшись, прогоняя ледяную оторопь.

– Здравствуй красавица! Не буду спрашивать узнала ли ты меня, коль мне все же пришлось с тобой заговорить.– Веселый низкий голос, отчасти успокоил меня, отчасти разозлил.

– Никогда не подкрадывайся так больше! – Мой голос противно взлетел вверх, от чего широкие брови Алекса взлетели вверх.

– Прости, я не хотел тебя испугать.– Вышеупомянутые брови мгновенно сменили траекторию, сомкнувшись на переносице, и я тут же пожалела о своей несдержанности. Пытливый взгляд уже впился в меня стальными клинками, и принялся анализировать мою реакцию, как и положено опытному следователю. С Алексом я познакомилась не так давно, но буквально сразу между нами завязалась крепкая дружба. С женским полом как – то не сложилось. Я была не в силах вести светские беседы с девушками нашей группы, поэтому держалась особняком, отчего тут же поползли слухи. Но поделаться ничего не могла. Их пустая болтовня и без-

заботное существование раздражали меня, а на обсуждение очередного наряда попросту не хватало сил. Беседы с Алексом, наоборот, давали пищу моему мозгу, заставляя его взахлеб проглатывать чужие знания. Отчасти от того, что он был на два курса старше, отчасти от того, что он был в тысячи раз умнее и наблюдательнее своих сверстников и однокурсников, и шел на красный диплом, чем я безумно гордилась, порой беззастенчиво его эксплуатируя.

– Забудь, – пробормотала я, отводя взгляд, но видя его упрямо поджавшиеся губы, все же добавила. – Когда –нибудь ты все узнаешь. Но не сейчас, ладно?

Алекс сдержанно кивнул, и взял меня за руку.

– Извини, Бель. Но, помни, ты обещала. Проблему нельзя замалчивать, и сейчас я уступаю тебе только по причине твоей просьбе.

Через силу улыбнулась, чувствуя укол в сердце. Что это? Надо прежде разобраться в себя, чем выносить все на суд Алексу. Неизвестно до чего он может докопаться.

– Твое предложение еще в силе? Мы идем в ресторан? Учти, я притащилась в таком наряде только ради тебя! – Подхалимски пропела, уводя разговор в сторону, распахивая полы пальто демонстрируя новое платье.

– Ну, разве я могу проигнорировать такую жертву с твоей стороны, моя красавица, учитывая твою нелюбовь к платьям? – Я легонько толкнула его в бок, а он дурашливо за него схватился, затем, заключил меня в крепкие объятия и

мы, наконец, направились к выходу из сквера.

Ресторан находился в районе Красной площади, и был забит до отказа, как обычно случалось в обеденное время. Но все же для нас нашлось уютное уединенное местечко, и устроившись мы сделали заказ.

– Ты разобрался со своей курсовой? Ты говорил, что не уверен в ней?

– Не то, чтобы не уверен, вроде бы все гладко, но чутье меня еще никогда не подводило. Ты не откажешься на нее взглянуть? Нужен взгляд со стороны. Бывает, что очевидное на поверхности, но ускользает от внимания. Сейчас мое внимание забито ненужным хламом.

– Я посмотрю. Скинь мне на электронку. Надеюсь, там нет ничего похоже на прошлую твою работу. Я понимаю, что это издержки нашей профессии, но никак не могу к этому привыкнуть.

– Я не могу сказать тебе однозначно. В прошлой моей работе все было объективно, и по фактам. Эта же работа... По моему мнению, она особенная. Факты говорят не в пользу моего вывода, но я чувствую что прав.

– Это как? – Я в недоумении уставилась на него. Обычно Алекс всегда правильно расставлял приоритеты, и объективно оценивал ситуацию. Его всегда ставили в пример, первокурсникам, и были правы. Нет более успешного ученика, чем Алекс, и сейчас его неуверенностью я была очень удивлена.

– На первый взгляд убийства между собой никак не связа-

ны. В городе в разное время убивают людей. Среди них один подросток, одна беременная женщина, два пожилых человека, причем мужчина и женщина, и несколько мужчин из одной сферы. Известно какой. На первый взгляд их ничего не объединяет. Убиты они были в разное время, и связать их с друг другом почти невозможно.

– Почти?

– Да. Есть одна маленькая деталь, которая не дает мне покоя. Я хочу что бы ты ее сама определила, и доказала тем самым что я не параноик.

– Ты меня заинтриговал, я сегодня же посмотрю.

– Ладно, давай пообедаем без разговоров о трупах. Они и так ежедневно незримой тенью рядом, а в нашей профессии главное что?

– Уметь абстрагироваться. Ты прав.

– Скоро Новый год. Какие планы?

– Ты шутишь? Какие у меня могут быть планы. В этом городе ты единственный кого я знаю, и с кем вожу дружбу. Поэтому и планов собственно особо нет. – Отпив обжигающий кофе, я вопросительно уставилась на парня, впервые замечая, что он весьма недурен собой. Темная буйная шевелюра, лихая челка, синий взгляд с темной поволокой, пухлые полноватые губы. Многие считают его первым красавцем нашего университета, а я никогда не рассматривала его с этой стороны. Наверное, его можно назвать красивым. Нет, он однозначно красавчик. Это открытие сильно расстроило

меня, отозвавшись странным предчувствием.

– Именно поэтому я приглашаю тебя на горнолыжный курорт. И предвидя твою реакцию наперед, все же позволь отметить, что забронировать места было чертовски трудно. Но как говорится, не имей сто рублей, а имей сто друзей!

– Иными словами ты воспользовался связями своего отца?

Алекс пытался оскорбиться, но потом широко улыбнулся.

– Только никому об этом ни слова! Так ты согласна?

– А у меня есть выбор? – Он снова залихватски ухмыльнулся, низко наклоняясь ко мне, вторгаясь в мое личное пространство.

– Нет, моя красавица. Выбора у тебя нет. За все уплачено! Так что пожалей карман моего отца.

Я рассмеялась.

– Тебе кто –нибудь говорил, что ты очень самонадеян, или дело не в твоей самонадеянности, а в умении манипулировать людьми?

– Нет. Говорили только... – Алекс снова низко наклонился над столом, припав к моему уху, От пошлых откровений щеки мгновенно вспыхнули, и я шутливо ударила его по руке.

– Я отказываюсь это слушать, Алекс, пожалей мою психику, ей и так достается каждый день!

– Но когда же тебе взростеть? Ты до сих пор краснеешь от слова минет! А это между прочим в составляющая нашего

времени.

Я снова покраснела, и принялась обмахивать себя руками.

– Прекрати, Алекс! Я смущена, не продолжай!– Мне было неловко, и хоть я уже давно привыкла к его манере поведения, все же некоторые его пошлости до сих пор заставляли краснеть. А еще вспоминать Милку. Эти воспоминания до сих пор причиняли острую боль.

Мы еще некоторое время шутливо пререкались, а время обеда подходило к концу. Рассчитавшись, Алекс подал руку, и мы двинулись к выходу.

Взгляд только коснулся лица красивого мужчины сидящего за столиком в углу, в компании мужчины и женщины, а сознание уже подобралось, сфокусировалось на деталях, и судорожно затряслось в тяжелом предчувствии. Он выглядел немного уставшим, но все таким же манящим и умопомрачительным как при нашей последней встречи, разве что выражение лица сейчас было совершенно другим. Оно пылало гневом, высекая искры, которые долетали даже туда, где я находилась. Я остановилась, прирастая к полу под жгучим раздраженным взглядом зеленых глаз, которые словно насквозь пронзили мое тело, пройдясь от макушки до самых пят, чуть задержавшись на в меру глубоком вырезе стального платья. Губы скривились, словно ему неприятно стало от увиденного, и я даже сама себе бы не призналось насколько ранил меня этот брезгливый взгляд. Алекс что – то тихо говорил, а мои ноги сами понесли меня к их столу. На тот момент, я

ошибочно посчитала невежливым просто проигнорировать его и уйти.

– Добрый день, – вежливо обратилась я, и тут же над столом смолкли разговоры, и все сидящие в недоумении уставились на меня. Второй мужчина, молодой, замер с недонесенным до рта бокалом розового вина, а красивая женщина вытаращила и без того не маленькие глаза, испепеляя взглядом.

Мистер Лански не проронил ни слова. Сказать, что я чувствовала себя неловко не сказать ничего. Руки сами скользнули к подолу, и принялись его теревить, задирая вверх. И только когда Лански опустил горящие зеленый взгляд к оголенным ногам, руки безвольно упали по сторонам, подстегивая постыдный порыв спастись бегством. Но все же, какое – то упрямство заставило меня стоять на месте, а шальные мысли сорваться с губ.

– Я... Подошла поздороваться. Вы так и не вернулись домой... Ну тогда...– Запинаясь произнесла я, глядя как лицо женщины пошло пятнами. Взгляд Лански действовал на меня как удав на кролика. Мысли путались, дыхание сбилось, грудь бурно вздымалась, закачивая кислород. – Извините, вы... Это не то, что вы подумали. Мистер Лански мой опекун!

Не знаю, кто дергал меня за язык, и какой леший заставил произнести подобную чушь, которая произвела эффект взорвавшейся бомбы, оглушая гнетущей тишиной, и исходящей

от женщины агрессией. Женщина подняла пустой взгляд, глядя сквозь меня. Надо отдать ей должное, она не выказала своего недовольствия моим вторжением.

– Здравствуй Изабелла. – С ленцой произнес Лански, глядя между тем, отнюдь не на меня. Его внимание было приковано к Алексу, с интересов взиравшим на занимательную сцену. – Представь своего ... друга. – Протянул он, делая совсем не уважительный акцент на последнем слове. Мое лицо снова вспыхнуло, будто меня уличили в чем – то постыдном.

– Это Алекс Фабиан, мой друг, – представила Алекса, пряча дрожащие руки. Очевидно друг все же почувствовал мое состояние, взяв мою ледяную ладонь в свою теплую руку. Этот жест не крылся ни от Лански, ни от женщины.

– Я отвезу тебя, Изабелла. – Коротко безапелляционно заявил мужчина.

– Но у меня еще две пары по...

– Нужно кое – что прояснить. – Бесцеремонно перебил Лански. – Я говорю, ты слушаешь и не перебиваешь, хорошо? Мы уходим. – От его ледяного тона стало плохо. Мне почему – то представилось, что сейчас он скажет чтобы я убиралась из его дома. Меня словно парализовало от нахлынувшего ужаса. Все на что я была способна – это кивнуть. Лански поднялся, небрежно бросив на стол купюры, коротко попрощавшись, направился к выходу, не забыв крепко ухватить меня за локоть, вырывая из руки Алекса мою ладонь.

Глава 6

Мрачный осенний вечер и извечная слякоть поднимали в нем волну злости, в первую очередь на самого себя. Столько времени убить на одно дело – такое с ним впервые. Мерзкая морось забивалась под воротник, и мужчина со злостью его дернул, прикрывая обнаженную шею. Этот вечер ничем не отличался от других, и мужчина все так же проводил время среди отбросов, в надежде ухватиться за какую – нибудь ниточку. Время стремительно ускользало сквозь пальцы, как и его гонорар. Он и представить не мог, что так опростоволоситься, и теперь ему грозило лишиться своего имени, на которое он столько работал. Он был лучшим из лучших, по крайней мере из тех, кто был здесь, на брэнной земле.

Тот единственный и первый всегда не давал ему покоя, и он уже грешным делом подумал, что это неуловимый Дарк, но нет. Все не может быть так просто. Не в этих делах.

Того мужчину, он засек лишь краешком глаза, внезапно взбунтовавшимся сознанием, которое пронзила паника. Липкий холод скользнул по спине и мужчина скорее ощутил, чем увидел, что оказался не один. Долю секунды он всматривался в темный силуэт, который внезапно испарился в воздухе. Потом он долго гадал, не привиделось ли ему. Но холод сковавший его позвоночник, явно указывал на то, что

ему действительно довелось свести с ним такое странное едва уловимое знакомство.

Куда делся проклятый Дарк? На поиски пропавшего придурка ушли целых три года и вот след вывел его на детский дом. Какое отношение имел Дарк к этому месту? В то, что у него имелись дети, ему верилось с трудом. Не мог он так подставиться, но все же, чем черт не шутит?

Пришлось шерстить всех и каждого. Не мог он попросту проигнорировать этот след. Что – то с этим пристанищем его связывало, это совершенно точно.

Пробравшись в кабинет директора, он проверил все списки детей, но так и не нашел ничего подозрительного, или хотя бы кого – то кто хоть отдаленно напоминал чертового Дарка.

Ничего. Пусто.

Но чуйка его не подводила никогда, и сейчас она не отпустила его из этого места. Она тяготила и изводила его, ровно до того момента, когда он увидел ее. Девку, со странными сиреневыми глазами. Его интуиция взорвалась пронзительным набатом, вопя во все горло.

Оно!

Лишь однажды он видел шлюху с подобными глазами. Она проживала в доме человека, на первый взгляд никак не связанного с Дарком, но в такие совпадения он не верил. Баба была чудо как хороша, бархатная кожа, длинные золотистые, шелковистые волосы до самых пят, ее охраняла целая

армия отпетых отмороzków, сомнительно чтобы Дарк до нее добрался.

Случайная встреча, страстный вечер и девочка уже доверчиво распахнула свое сердечко. Он всматривался ее лицо и не мог обнаружить никакого сходства, кроме этих колдовских глаз. Обычное простоватое лицо, на котором выделялись лишь пухлые губы. Все остальное самое простое. Что – то в ней не давало ему покоя, заставляя всматриваться в нее снова и снова, даже когда трахал ее во все дырки, фиксируя ее поведение, жесты, взгляды.

Ничего.

И когда он случайно запутался в ее патлах, и сдернул парик, его словно кипятком ошпарило от увиденного. Он смотрел, как эта шлюха, стыдливо его поправила, и как ни в чем не бывало, приложилась к его члену.

Он был в таком бешенстве, что едва не удушил ее одной рукой, ухватив ее за глотку, поднимая на ноги с колен. Она брыкалась, вывалив язык наружу, а он смотрел, и чувствовал себя идиотом. Эта сука развела его как последнего лоха.

Его!!! Чье имя произносили шепотом, обс*раясь от страха!

Он умел задавать вопросы и всегда получал ответы. Так было и в этот раз.

Первое что он узнал. У Дарка действительно была дочь, которую он зачем – то прятал здесь.

Второе. Дарк скорее всего мертв.

И третье. Та самая прекрасная, как и ее мамаша, дочь, как сквозь землю провалилась.

Испарилась. Нет ее нигде.

Отвратительный толстяк, который так услужливо пожаловал следом, тоже ничем его не порадовал. Девку искали многие.

И самое главное, то ему делать? Искать девчонку? На не поступал заказ.

В смерти Дарка нет весомых доказательств, а это значит, что он снова в исходной точке, от того и злился сильнее вымещая яд на каждой шкуре, попадающей под его тяжелую безжалостную руку.

Лански торопливо выводит меня на улицу, и я делаю глубокий вдох. Только сейчас понимаю, что не дышала совсем. На улице опять мелкая морось, и я плотнее запахиваю на себе пальто, глядя в удаляющуюся спину Алекса. Слезы жгут глаза, и все о чем я сейчас способна думать – это о том, что мой мирок, может сейчас разлететься вдребезги. Лански закуривает, не отрывая от меня горящего взгляда, под которым я плавлюсь, не смотря на уличный градус. В его лице нет былого равнодушия, в нем плещется коктейль эмоций, который проходится острым лезвием по моим натянутым нервам.

За первой сигаретой следует вторая, а я терпеливо жду, украдкой вздыхая, стараясь унять бешеное сердцебиение. Пламя в его глазах постепенно угасает, и мне кажется что он

наконец, взял себя в руки, натягивая на лицо маску рубахи – парня. Но меня уже не проведешь.

– Садись. Ты промокла уже. – Пикнула сигнализация, и я полезла на заднее сидение, скрываясь от пронзительных глаз.

Лански какое – то время потоптался, и вскоре занял водительское сидение, заполняя собой все пространство. Мужские ладони сомкнулись на рулевом колесе, нажимая кнопку зажигания. Его было так много, что мне не оставалось места в салоне. Запах мужчины достиг моего обоняния, и я замерла, чувствуя, как сердце полетело куда – то в низ. Это тот самый запах, который преследовал меня по ночам, выворачивая наизнанку мою душу. Я хватала воздух раскрытым ртом, как выброшенная на берег рыба. Меня душило чувство дежавю с тем лишь отличием, что сейчас мои глаза способны видеть. Его мощная аура давила, оттесняла меня куда – то за границу его пространства, в котором мне не находилось места. Я схожу с ума? Или у меня галлюцинации от пережитого стресса?

Машина тронулась, и сразу же заработали обогреватели.

– Все в порядке? – Его пронзительный взгляд сверлил меня в зеркало заднего вида, и я поспешила взять себя в руки, пряча дрожащие пальцы.

– Да.

– Ты немногословна. В ресторане со своим другом у тебя был совсем другой настрой. Ты так весело хохотала на весь

зал, что мне пришлось прилагать силы, чтобы не реагировать на твое веселье.

– Извините. – Пробормотала я, заливаясь краской, не зная как реагировать на его слова.

– За что ты просишь извинения Изабелла? Ты совершила что – то такое, за что стоит его просить? – Его хриловатый голос с ленцой дергал в душе невидимые струны, заставляя реагировать, вибрируя в ответ.

– Ннет, ничего такого. – Заикаясь, выдавила из себя.

– Ты сделала паузу, прежде чем ответить. Так все же? Сделала или нет? – Его настойчивый, и требовательный тон вскрывал подкорку головного мозга, заставляя трястись каждую клеточку моего тела.

– Нет. Совершенно точно. Если вы имеете в виду, – я сделала паузу, вспыхивая до корней волос, – то, что имеете в виду. Хотя я не понимаю, какая вам к черту разница.

Он улыбнулся, а меня прошило высоковольтным разрядом.

– Я тебе объясню. Я не имею ни малейшего желания предоставлять кров девушке, которая, скажем так, не обременена социальной ответственностью. Я не в том возрасте, чтобы критиковать современную молодежь, здесь ты права, и мне нет абсолютно никакой разницы до того кто кого трахает. Но ты это совсем другое дело. Ты живешь в моем доме. И мне, раз ты уже определила меня в роль своего опекуна, – он сделал паузу, а я вдруг ощутила себя полнейшей дурой,

которая как не умела следить за языком, так и не умеет, – совсем не по нраву, если мою подопечную, – иронично растянул последнее слово, будто насмехаясь над ним, – будут раскладывать все кому не лень. Я не уважаю, и терпеть не могу шлюх. Я понятно изъясняюсь.

– Предельно. Но мне больше нечего добавить. – Сквозь зубы проговорила ему в тон. Затем подумав немного добавила. – Алекс очень хороший. И я не думаю... Не думала... – Снова запнулась я, не зная как правильно сформулировать свою мысль.

– У вас отношения? – В его тоне проскользнула агрессия. Или мне показалось?

– А это запрещено? Вы выставите меня за это на улицу? Я не шлюха, и никогда ею не стану! Но что, если я кого – то полюблю? Мне нужно будет взять у вас письменное разрешение на секс с любимым парнем? – Злость накрывала меня с каждым вздохом и вопиющим нахальством этого негодяя. Кем он себя возомнил?

– Я задал тебе вопрос. Ты на него отвечаешь. – Холодным, острым тоном Лански можно было колоть дрова, и дрожь страха снова предательски ползет вдоль позвоночника.

– Нет. Мы друзья. Но ответьте теперь на мой вопрос, чтобы я вдруг случайно, по неосмотрительности не осталась на улице!

– Ты влюблена в него? – Все тот же тон и пристальный взгляд в зеркало.

– Нет.– Отчего – то я снова покраснела, испытывая стыд за подобный допрос.

– Тогда тебе не о чем волноваться. И да. По поводу письменного разрешения. И дело не в моей вредности. Вокруг тебя что – то закручено, и я пока не понимаю что. Тебя до сих пор ищут, в этом я сам лично убедился. И если ты доверяешь своему другу, то можешь оставить его возле себя. По поводу походов в ресторан, и прочих развлекательных заведений – с этим придется завязать. Пока я не разберусь в происходящем.

Услышанное заставило меня поперхнуться кислородом. Мне тут же стало стыдно за свою бравату. Навыдумывала невесть чего, а Лански просто перестраховывался. Как ни странно страх тут же улетучился. Я хотела было извиниться, когда машина остановилась, и мужчина поспешно покинул салон. Мы приехали. Навстречу Лански выпорхнула Анна, и заключила его в свои широкие объятия, вытирая слезы, и ругая его за долгое отсутствие.

Я удостоилась теплого поцелуя в щеку, и проследовали в дом. Время близилось к ужину, и как ни странно Лански остался с нами. К ужину я готовилась с особой тщательностью, полыхая красным пламенем, пытаясь заглушить голос совести. Спустилась вниз, гордой и независимой походкой, и едва не рухнула на последней ступеньке.

Лански помогал снять пальто той самой женщине, которая осталась в ресторане. Быстро же она пришла в себя и

оказалась здесь. Ее взгляд по – хозяйски прошелся по домашнему убранству, затем остановился на мне...

Моника

Бегство Лански отзывается едкой болью и тревогой всколыхнувшейся в душе. Именно бегство, ибо Артемио совсем не тот человек, который прерывает важный разговор на полпути, оставляя человека, который прилетел в Россию исключительно для того, чтобы встретится с ним. По его собственному предложению между прочим. Я мало вслушивалась в русскую речь, но уловила направление их беседы. Лански кого – то искал. Где – то на середине разговора, Артемио бросил взгляд куда за мою спину и его лицо вытянулось, впрочем он всегда быстро берет верх над эмоциями. Осторожно оглядевшись, я заметила молодую парочку в углу, гадая, чем они могли заинтересовать Лански. Сердце кольнуло тяжелым предчувствием. Я прогнала его, упорно считая что нет такой проблемы, которую я бы не смогла решить. Как же я ошибалась.

Девчонка, вдруг возникшая возле нашего столика, выбила почву из – под ног своим появлением. Ее красота и молодость заставили разом обостриться все инстинкты, и прислушиваться странным образом к каждому вздоху Лански. Сканировать каждый брошенный на девчонку взгляд. Увиденное, столкнуло меня на острые камни, изодрав в клочья мою

и без того истерзанную ревность. Она взревела так громко, что оглушила меня на несколько минут, позволяя лишь смотреть на девку, как в немом кино. Она интересовала Лански, это и дураку понятно. Лишь на мгновение в его взгляде полыхнуло пожараище, которое он поспешил спрятать, но этого мгновения мне хватило за глаза.

В этот миг я пожалела, что родилась на свет, потому что за все наше знакомство ничего подобного в его взгляде и близко не было.

Опекун.

Я еле сдержалась, чтобы истерично не захохотать на весь зал, жадно разглядывая девку. Надо же! Ничто человеческое ему не чуждо. Или дело совсем не отцовских, или опекунских чувствах? Девочка чудо как хороша, той особенной красотой, робкой и изысканной от которой мужикам сносит крышу. Ее испуганный вид даже мертвого бы не оставил равнодушным, именно поэтому я, попросившись с французом, рванула в его дом на окраине столицы.

Всю дорогу до его дома я прокручивала в голове мысль, что все может рассыпаться как карточный домик. Все над чем я так долго работала, что так долго создавала, жертвуя своими амбициями, и гордостью. С каждым неумолимо исчезающим отрезком времени, я осознавала, как же мне мало наших с ним встреч, мне кажется, я теряю рассудок. Мне хочется быть с ним постоянно, каждую минуту, каждое мгновение, совершенно неважно где. Хочется постоянно чувство-

вать его умопомрачительный запах, ощущать его сердцебиение рядом, даже терпеть его безучастный взгляд, когда он во мне. Купаться в его мощнейшей ауре, жадно впитывать ее в себя. Я не знала ни одного мужчины, чья бы аура была настолько сильной. Ее можно было трогать кончиками пальцев, с упоением чувствовать ее вибрацию.

Неожиданно для самой себя всхлипнула, и тут же попыталась взять себя в руки, с трудом останавливая навалившуюся на меня истерику. Таксист бросил в зеркало заднего вида недоуменный взгляд, но меня это не коим образом не задело. Я не знала на сколько меня еще хватит, прежде чем моя натура возьмет верх над моим разумом. Мне кажется, я медленно умираю, подавляя и стирая себя. От меня с каждым днем остается одна лишь оболочка, наполненная болью, ревностью, и агонией. Когда его нет, мне кажется, что меня ножом режут по сердцу, и, не имея права позвонить ему, потребовать отчета о его местонахождении я тихо схожу с ума. Я одна в целом мире, потерянная и одинокая, потому что и этот мир заслонил собой Лански.

Расплатившись с таксистом я замерла возле кованной калитки, собираясь с силами, затем толкнула ее, и не давая себе времени передумать устремилась вперед.

Артемию, даже если и удивился, то вида не подал, и я наконец, выдохнула, чувствуя как уходит напряжение. Ровно до того момента, когда девка замерла на ступеньках лестницы, вся при параде, с кислой физиономией, глядя на незва-

ную гостью.

Ревность снова обожгла нутро, и мне с трудом удалось заставить себя ей улыбнуться. Девочка насупилась, затем гордо выпрямилась и стала спускаться. Я перевела взгляд на Лански, чувствуя, как вскипает в венах кровь. Он не сводил с нее глаз, хотя по его лицу невозможно было что – то прочитать. Ужин напоминал пытку. Артемио не утруждал себя разговорами, Белла, как представили мне девку, тоже. Лишь пожилая Анна, с улыбкой на устах неустанно расхваливала успехи девчонки на учебном поприще. Я отсчитывала минуты, когда придется пора подняться на верх, когда Лански будет в моей власти, пусть ненадолго, на одну ночь, мне этого достаточно, чтобы унять свою одержимость им. Этот глоток иллюзий позволит мне продержаться еще, умаслит мою зависимость, и ублажит разум.

Изабелла

Сказать, что ужин стал для меня пыткой, это ни сказать ничего. Едва увидев эту женщину, Монику, я испытала чувство, которое вмиг меня отрезвило, заставив устыдиться своих мыслей. Это открытие шарахнуло так сильно, что буквально выбило меня из колеи, накрыв звенящим вакуумом. Ковыряясь в тарелке, и пребывая в своих мыслях, я не участвовала в беседе, ерзая на стуле под блестящим назойливым взглядом Моники, пытаюсь держать лицо, вспыхивая каж-

дый раз, когда зеленющий взгляд Артемио останавливался на мне. Я не имела права чувствовать то, что зарождалось во мне, прорастая глубже в душу. Мне хотелось выдернуть из себя этот корень, стремительно уходящий вглубь, растоптать его, запретить себе это чувствовать, потому что даже моих скудных познаний в мужчинах достаточно, чтобы с точностью определить, это не мой мужчина.

Безусловно, он красив, как дьявол, и так же порочен. Хотя с чего я так решила? Что я знаю о порочности? Верно, ничего, но внутри все ныло, трепетало, возрождалось при виде его мощных плеч и волевой линии подбородка.

Ускользнув наверх от распинающих взглядов, сдернула с себя платье, откинула его от себя словно мерзкую живность, натянула пижамные шорты и топ. Я меряла комнату шагами, пытаюсь разобраться в себе. Что со мной происходило? Я не находила своим мытарствам должного объяснения. Низ живота сладостно ныл, сердце стучало где – то в горле, заставляя меня устыдиться своих чувств еще сильнее. Что со мной происходит? Может я больна? Неизвестно до чего бы я еще додумалась, когда весело заиграл мобильный рингтон, заставив меня от неожиданности подпрыгнуть на месте. Схватив телефон, я с облегчение выдохнула.

– Как дела, Бель? Твой опекун не сильно серчал? Кстати, почему ты о нем ничего не рассказывала?

Услышала я голос Алекса. То, что он не обиделся после нашего расставания, принесло невероятное облегчение.

– Да не о чем, собственно было рассказывать. Мистер Лански подолгу отсутствует. Он проживает в Испании. Все в порядке. – Не зная, что еще можно к этому добавить, я тоскливо замолчала.

– Я рад, что все в порядке. Ты уже просмотрела мои материалы? Ты обещала на них взглянуть.

Мысленно чертыхнулась. Только трупов моей психике сейчас не хватало.

– Конечно, – пискнула я, – Сейчас же посмотрю.

– Окэ. Жду твоего аналитического разбора. Работа уже у тебя на почте.

Попрощавшись, достала ноутбук, который любезно не так давно приобрела мне Анна, и вошла в почту. Быстро отыскав входящее письмо, приступила к изучению содержимого, мысленно поблагодарив Алекса за возможность отвлечься. Быстро пробежала глазами по тексту, искренне недоумевая, что не устраивает Алекса в своей работе, пока не добралась до прилагаемых материалов. Долго и тщательно рассматривала каждую фотографию, чувствуя, как вдоль позвоночника собирается ледяной пот. Последнее фото, какого – то подростка, и глядя на него, я поняла, что имел в виду Алекс. Получается, вся работа не имела смысла, потому что одна существенная деталь является опровергающей. На первый взгляд все убитые не имели друг с другом определенной связи, да и что можно сказать вот так навскидку, не изучив личности убитых, и все с чем они были связаны? Верно ничего. Но

этого от выпускника и не требовалось. Его целью было сделать первичные заключения по фото, максимально развернуто, и выходило следующее: у всех жертв было рассечено горло, странным образом. Сначала я не придала этому значения, и лишь фото подростка заставило взглянуть на всю картину по – другому. Его разрез был аккуратен, словно нанесен скальпелем. Именно на его горле можно было рассмотреть чуть витиеватый рисунок стали. В остальных же случаях, порез наносился, я пролистала вывод Алекса, предположительно стеклом, ножом, и даже острым краем железа, отчего рисунок был почти не заметен. Края смазаны запекшейся кровью, и тонкий изгиб пореза терялся. Посему выходило, что у всех убитых был один почерк, следовательно, и убийца один.

Решив еще немного покопаться в интернете, я ввела в поисковик, первое имя убитого и стала изучать информацию. Ничего особенного я не нашла, а вот вторая жертва, девушка, была по всей видимости представительницей древнейшей профессии, о чем свидетельствовала краткая биография убитой. Вчитываясь в строки ее социального падения, увидев знакомые имена, пол подо мной вдруг покачнулся. Фото убитой, и фото живой девушки сильно отличались, поэтому я впервые ее не смогла узнать. Я видела эту девушку в доме у Седого. Ошибки быть не может.

Дрожащими руками, я набрала дату убийства Милки, о чем не поленился написать только ленивый. Вчитываясь в плывущие перед глазами строчки, я гадала, могла ли Мил-

кина смерть быть связана с остальными убийствами? Тогда я и подумать не могла анализировать порез на ее горле, а теперь остаётся только гадать.

Мысли о сестре снова отозвались глухой болью, стиснув горло ледяными тисками. В голове помутнелось.

Пошарив рукой, я нащупала теплый кардиган и поспешила на свежий воздух, чтобы хорошенько все обдумать и проветрить мозги.

Тихонько выскользнув в освещенный настенными лампами коридор, я, было, направилась к лестнице, стараясь бесшумно ступать, когда до моего слуха долетел томный стон, полный наслаждения. Дверь в комнату уважаемого мистера Лански была приоткрыта, и я ругая себя за любопытство замерла напротив заглядывая в образовавшуюся щель, как ворюшка.

Ночная лампа освещала его профиль, а я стояла, как завороченная, наблюдая за тем, что происходило в спальне, совершенно позабыв обо всем на свете. Женщина усмехнулась, и теперь сладко постанывала, обхватив мужчину длинными стройными ногами. Все во мне кричало, надрываясь, о том, что мне следовало немедленно убраться восвояси, но я словно приросла к полу, у чертовой щели, тарашась, как Лански занимается любовью, позабыв об угрызениях совести. Я замерла, точно в столбняке, глядя на обнаженную и напряженную спину, с сильно развитой мускулатурой, чья рельефность блестела от пота в свете настольной тусклой лампы. Я

вдруг осознала, что ничего прекрасней не видела в жизни, с жадностью скользя взглядом за руками Моники, бесстыдно гуляющим вдоль сего великолепия.

Дыхание перехватило, тело взмокло, низ живота запылал с удвоенной силой, и я с ужасом поняла, что не могу сделать ни шагу, стараясь совладать с учащенным дыханием. Я смотрела на его спину, и красивый четкий профиль, и завидовала Моники, мечтая оказаться на ее месте. Сердце ныло, и готово было разорваться от горя и глупой жалости к себе. Ощутила себя преданной, будто это мой мужчина сейчас изменял мне с другой, заставляя глотать собственную беспомощность.

И как только мысли о предательстве Лански полосонули изнутри, я дернулась, мысленно отвешивая себе звонкую оплеуху.

Я попятилась, потом побежала, перепрыгивая через две ступеньки, мечтая оказаться как можно скорее на улице. Дверь громко хлопнула о стену, и я выскочила босиком на улицу, подставляя пылающее лицо осенней прохладе. Дрожжами от волнения пальцами откинула распущенные волосы от лица, и быстро пошла по влажной брусчатке вдоль дорожки, стараясь усмирить дыхание, ругая себя последними словами. Затем свернула в парк, устроилась на крытой качели, подобрав заледеневшие ступни под себя. Мысли путались, нестройным хором перекрикивали друг друга. Я не могла дать объяснения своему порыву, и унижительному по-

ступку подглядывания, но ничего не могла с собой поделать. Я сидела, сдерживая постыдную и назойливую необходимость вернуться обратно, и досмотреть до того самого финала их действие, и снова устыдилась собственного поведения. Лицо горело, грудь бурно вздымалась, тело отказывалось слушаться. Я задыхалась и в который раз подумала о том, что я попросту подхватила какой – то вирус, иначе как объяснить горящее тело, требовавшее выход... Чего?

Я прикрыла глаза, откинувшись на мягкую спинку, чуть расставив согнутые колени. Горячие пальцы, бессознательно скользнули вниз прошлись по кромке шва мягких шорт, трогая пылающую плоть. Сладость прострелила мое тело насквозь. Я задохнулась от всплеска обжигающих эмоций. Обезумевшее тело требовало еще, и я мысленно вернувшись в спальню Лански, представляя его руку у себя между ног. С губ сорвался полустон – полувскрик, и я выгнулась, бесстыдно расставляя ноги шире.

Вдруг воздух рядом словно наэлектризовался, жали воспаленную кожу тонкими иголками. Я широко распахнула глаза, а следом и рот, падая в темную пропасть, темных глаз замершего напротив полуобнаженного Лански.

Глава 7

В темноте, разбавленной лишь одиночными всполохами садовых фонарей, он представлял собой чужого незнакомца. Тусклый свет выхватывал рельефы обнаженного тела, скул, лба, линии бровей и подбородка, оставляя в тени глаза и рот. Я глазела, на его голый торс, широко распахнув рот шумно глотая воздух. Адреналин обжигал внутренности, а весь его агрессивный вид толкал к краю неконтролируемой истерики и пронзительного стыда, полосонувшего острым лезвием. В ужасе сжимаю колени, он замечает этот стыдливый жест и делает шаг, оказывается так близко, что меня снова накрывает коктейль возбуждения, щедро разбавленный ужасом.

Рука касается ноги, и чуть отводит в сторону. Я как замороженная смотрю на нее, темнеющую смуглым пятном на белоснежной коже, чувствуя, как ломаются внутри преграды, стираюсь я сама под жгучим темным взглядом. Я ловлю себя на мысли что сладко постанываю, совсем как Моника каких – то несколько минут назад. Это мгновенно отрезвляет, и я уже готова дать отпор. Почти готова.

– Тебе понравиться. – Тихо произносит он, в самые губы, и от его голоса сердце с размаху подает вниз. Дергаюсь всем телом, но он в доли секунды хватает меня за горло, чуть подтягивая к себе, и меня накрывает запахом его крепкого тела,

и того самого аромата. Сомнений больше нет. Его рука, как раскаленное клеймо на коже, заставляет трястись тело мелкой дрожью, и поддаваться.

Она горячей змеей скользит вверх по внутренней стороне бедра, останавливаясь у кромки малюсеньких шорт, будя во мне дикое необузданное желание.

Наглые пальцы не встречают препятствия, и он усмехается, осознавая, как горячо, и как влажно там. Я уже не пытаюсь сжимать колени, наоборот, шире распахиваю их, бесстыдно откидываясь назад, отчего ему приходится поддаться следом. Голос разума утонул в гуле шокирующего возбуждения, и все о чем я мола сейчас думать это о его проклятой руке снующей у меня между ног.

Дергаюсь всем телом, когда его язык проходит вдоль шеи, и бессознательно ловлю его губы, чтобы убедиться, проверить, тот ли это вкус, до сих пор живущий на моих губах, но он отворачивается от моего поцелуя, скользя им к ушной раковине. Меня сотрясает дрожь, как припадочную, и плюнув на все, я крепче хватаюсь за Лански, проходясь жадными ладонями по вожденной спине, как совсем недавно Моника, чувствуя себя беспомощной под беспощадным напором своего желания. Всхлипываю, когда он пробирается внутрь моего тела, между ног начинает жадно пульсировать, требуя большего. Я поддаюсь навстречу его рукам, не скрывая своих эмоций, которые, я могу поклясться, он впитывает, так же жадно, как и я. Его пальцы скользят во мне,

и мне хочется заорать во все горло от острого, дикого наслаждения. А еще от понимания, что они на своем месте. Он сам на своем месте, и я создана целиком и полностью для его пальцев.

– Пожалуйста... – Хрипло шепчу я, чувствуя себя на грани чего – то необычного, вдыхая пряный терпкий запах своего желания. Он наращивает темп, и я тоненько вскрикиваю, отдаваясь во власть яркого ослепительного оргазма, обмякнув в его сильных руках, оглушенная и задыхающаяся от пронзительно наслаждения, сотрясающего тело.

Не знаю, сколько я так висела на нем. Осознание медленно, с замирающим сердцем, липкой субстанцией заполняет трепещущее тело, высасывая все до пустоты. Я мысленно себя проклиная за свою капитуляцию, тщетно приказывая себе забыть, то, что только что произошло, зная наперед, что это выжжет все во мне до тла. Он ломает меня, потому что он не тот, кому стоило распахивать душу, поддаваться жадным пальцем. А еще, меня коробит от собственной мысли, и идиотского девичьего желания услышать те самые заветные слова, которых, разумеется, я не услышу. Тошнота накрывает меня, и я сжимаюсь в его руках, чувствуя, как Лански напрягается всем телом, отстраняясь от меня, вглядываясь темной бездной в мое пылающее от стыда лицо.

– Аплодирую тебе стоя. Твой внезапный приступ скромности неуместен. Ты же поэтому топала как слон по коридору, громко хлопая дверью?

Снова дергаюсь, на этот раз, освобождаясь из его рук.

– Изумительно. Все в лучших традициях.– Хрипло выдыхает Лански.

Не знаю, что он там имел в виду, но вскочив на ноги, я опрометью бросилась в дом, изо всех сил сдерживая рыдания. Как была одета, бросаюсь в душ, и только там дала волю чувствам. Рыдания сотрясали тело, громкие, истощающие не только тело, но и душу. Я до ужаса боялась того, что именно это чувство ненасытности, гонит женщин по кривой, заставляя падать на социальное дно. Потому что я хотела Лански до судорог, до адской проклятой одержимости, стоная и задыхаясь, от мысленного прикосновения его... в общем того, что у мужчины между ног.

В воспаленном сознании возникает образ Милки на кровати, ее постыдно распахнутые бедра без белья, и реву еще горше, опасаясь закончить так же. Мое желание проснулось, и теперь будет истязать меня, нашептывать в ухо, толкая к краю.

Скидываю с себя мокрую одежду, она с мокрым шлепком, неопрятным комом ложится у моих ног, и я обессиленно опускаюсь на теплый кафель. Не знаю, сколько я так просидела, но наконец выбравшись, я закуталась в теплый халат, устроилась в кресле, с удивлением замечая порозовевшую линию горизонта.

В эту ночь я так и не сомкнула глаз, от того раньше всех собралась и отбыла в университет, решив выбить кровото-

чащий клин усердным рвением в учебе, отчаянно опасаясь встретиться с Лански. В голове всплывает наш вчерашний разговор о низкой социальной ответственности и его нелюбви к известным женщинам. Как он воспримет наш ночной адьюльтер? И не укажет ли он теперь мне на дверь. Эти жалающие мысли, и сотни им подобных, роились в моем сознании, занимая все мое внимание, отчего я даже проехала две лишних остановки.

Мысленно выругалась, пожелав мистеру Лански отправляться известным маршрутом, я все же вышла из битком набитой маршрутки, с интересом оглядываясь по сторонам.

Время позволяло прогуляться пешочком, и проветрить заодно мозги. Накинув на голову капюшон, я поежилась от влажного ледяного воздуха, и направилась в сторону университета. Он находился в двух кварталах от того места где я находилась, и решительно выбросив мысли о ночном происшествии я бодро зашагала, вдыхая полной грудью морозный воздух, рассматривая сталинки спального района с облупившейся краской.

Каково же было мое удивление, когда из подъезда одного из домов выпорхнула знакомая фигура. Подняв повыше воротник, Алекс устремился в мою сторону, глядя себе под ноги. Не знаю, что заставило меня поспешно юркнуть за козырек пивного ларька, и замереть там. Может тот факт, что дом Алекса находился далеко от данного места, или выражение его хмурого, с печатью злости, лица, совсем ему не

присущее. И весьма вовремя. Алекса кто – то окликнул, он выругался вслух, и замер в нескольких метрах от меня.

– Я все тебе сказал! – Жестко ответил мой друг, тоном, которого я никогда от него слышала.

– Но Алекс, мы же с тобой договорились! Ты мне обещал, что... – Залепетал женский тоненький голос. Я осторожно выглянула из укрытия и моим глазам предстала картина. Молоденькая, не старше меня, рыжая девушка, кутающаяся в теплый махровый халат, под пронизывающим ветром, широко распахнутыми зелеными глазами, с обидой взирала на Алекса. Губы предательски дрожали, а покрасневший нос, многозначительно указывал на то, что девчушка совсем недавно плакала. На щеке алело красное пятно, похожее на след от удара.

– Заткнись! – Грозно, со злостью оборвал ее Алекс, поспешно пряча руки в карманы, словно боялся не совладать с ними. Я напряглась всем телом, вытянувшись в струнку, радуясь отсутствию прохожих в столь ранний час.

– Но я же все сделала, как ты просил! – В голосе послышалась истерика, и Алекс снова выругался. Подошел к ней вплотную, и что – то тихо заговорил. Как ни напрягала я слух, но ничегошеньки не услышала. Вскоре он стремительно промчался мимо, а я, выглянув из – за козырька, увидела девушку, понуро плетущуюся к подъезду.

Постояв еще какое – то время, я отправилась следом за другом, гадая по пути, чтобы это все могло значить? Его по-

ведение никак не вязалось с тем Алексом, которого я знаю, хотя откуда мне знать, как он ведет себя с девушками? И чем успела насолить ему эта девица? Я знаю его, как доброго и веселого друга, любившего посмеяться как над собой, так и надо мной, без всякого злого умысла. Он всегда видел суть проблемы, чем ни мало меня выручал, щедро делясь накопленным опытом, с готовностью предоставляя любую посильную помощь. Подумаешь, нагрубил девчонке? Возможно, у него была на то веская причина. Покопавшись в памяти, я прикинула что еще знаю о нем, и ничего более добавить к вышеперечисленному не смогла.

Черт знает что! Выругавшись подобно Алексу себе под нос, я припустилась к университету, решая, присмотреться к другу получше.

С Алексом удалось увидеться только тогда, когда у меня появилось окно. Купив себе кофе, я устроилась на скамейке в парке, чтобы обдумать, как следует минувшую ночь, и самое главное выработать стратегию дальнейшего поведения. Моника не та женщина, которая будет смотреть на мужские похождения сквозь пальцы. Чувствовала в ней хищница, которая будет рвать без жалости и сожаления, отвоевывая свое. Интересно, как она восприняла его уход? Ведь не могла же она не заметить того, что ее мужчина на самом пикантном месте исчез из спальни?

Меня мгновенно бросило в жар, стоило только вспомнить

события минувшей ночи. Требовательные пальцы Лански, и его хриплый шепот, и запах. Тело мгновенно отреагировало, что меня никак не порадовало. В глубине души, я надеялась, что заморский мистер не останется надолго в Москве, и моя душа и тело обретут, наконец, спокойствие.

– Вот ты где! – От неожиданности, я выронила бумажный стаканчик на асфальт, обжигая себе пальцы. – О, прости, я не хотел тебя напугать, держи!

– Какая забота! – Посетовала я, принимая новый стакан с капучино, облизывая обожженный палец. – Я, кажется, просила...

– Да – да, я помню, ты просила, чтобы я больше не подкрадывался к тебе. Но позволь заметить моя красавица, я машу тебе и даже зову тебя по имени, битые двадцать минут, наплевав на косые сочувствующие взгляды своих сокурсников. Между прочим, я смахивал на нерадивого влюбленного, которого игнорит понравившаяся девушка. Так о чем ты так глубоко задумалась?

– Ни о чем конкретном, – спрятав взгляд, ответила я.

– Проблемы с опекуном? – Мои щеки вспыхнули, я поспешила сделать глоток обжигающего кофе.

– Можно и так сказать, – пробормотала скорее себе, чем Алексу.

– Все образуется, поверь моему опыту! Лучше скажи, ты просмотрела мою работу? – В глазах Алекса что – то мелькнуло и тут же исчезло, заставив меня нахмуриться?

– Нет, ведь так?

– Почему нет, – удивилась я. – Просмотрела. Только к концу я поняла, что тебя насторожило. На последнем фото у погибшего мальчика четко виден срез. Скажи, разве может убийца таким образом обозначать свой характер, или что – то в подобном роде?

– Я об этом много думал. Искал информацию и все – таки, кое – что нарыл. Мальчишка вовсе не был случайной жертвой. Из достоверных источников удалось выяснить, что он приходился сыном одной проститутки, убитой подобным образом. Ее нет в тех архивах, которые мне передали. На самом деле, как мне шепнул один следователь, таких убийств гораздо больше. Более того, многих пытали. У двух девушек отсутствовали пальцы, у одной скальп. На горле все тот же порез.

– В городе орудует маньяк? – Испугала я, чувствуя, как ледяной озноб ползет вдоль позвоночника.

– Я бы так не сказал. Видишь ли, у меня такое впечатление, что он что – то, или, что более очевиднее, кого – то ищет. Почему вдруг в поле его деятельности попали проститутки? Среди них один пацан, и пару мужиков, но все они как – то связаны все с теми же шлюхами. Я уверен, что все дело в них. И есть еще один момент. Все эти женщины ходят под весьма авторитетными дядьками. Никто в здравом уме не станет с ними тягаться. Но нашему парню, на них наплевать.

В его словах определенно был смысл, но все какая – то деталь не давала мне покоя, отказываясь трансформироваться в четкую мысль.

– Скажи, тебе не удалось выяснить, что это за рисунок, который он оставляет на своих жертвах?

– Отчего же! – Алекс хитро улыбнулся, впрочем, улыбка не коснулась его глаз. – Он – имитатор, который находит свое воплощение в бесконечности.

Я непонимающе вскинула брови, совершенно забыв об остывающем кофе.

– Лет двадцать назад, такой парень уже имелся. Но его уже нет. Это достоверно и точно. Его узор на жертве символизировал бесконечность, в которую, по его мнению, он отправлял жертву. Только разница в том, что парень орудовавший в наших краях двадцать лет назад, определенно был психом, сбежавшим из секретной группы где – то в пределах Карабаха. К слову оттуда никому не удалось выбраться, кроме него. Экспертиза подтвердила, подлинность его личности, значит наш парень не кто иной, как имитатор. Со своей бесконечностью, разумеется.

– Но у него есть цель? Ты сам сказал, все те девушки...

– Это мое мнение, Белла.

– Когда была убита последняя жертва? – Решила аккуратно подвести к интересующему меня вопросу.

– Две недели назад. – Немало не смущаясь, выдал друг.

– Но, – мое лицо снова вытянулось от удивления! – Как

же...

– Да – да – да! Тайна следствия и все такое! Но! – Его указательный палец взлетел вверх, прямо перед моим носом. – Первая жертва появилась более двух лет назад. Затем в Московской области были убиты именно те, чьи фотографии сейчас находиться в моей работе, которую я начал писать с начала года. Убийства продолжаются в течении года, и я сомневаюсь, что следователь вообще свяжет их друг с другом. Не сильно он жаждет копаться в делах женщин с низкой социальной ответственностью. В этом деле всегда есть колоссальный риск, нарваться на психа. Там девочек пачками вывозят в пригород, на свалку. Так что... – Он развел руками, поднимаясь, и вглядываясь в мое лицо. – Ну, и мои связи, в конце концов. – Он поиграл бровями, – без них в наше время никуда.

Я шумно выдохнула, совершенно не разделяя его веселья. Мое время истекало, и я, поднявшись, отправила недопитый стаканчик в урну.

– Мне пора. – Прошептала, пребывая в прострации. Мне очень не понравилось, то, что пришлось услышать. Теперь все мои выстроенные версии насчет Милки, рассыпались в прах. Потом меня будто током ударило.

– Алекс, а ты не мог бы мне скинуть фото убитых женщин?

На его лице отразилось удивление.

– Скажи на милость, зачем тебе это надо? – Растеряно про-

изнес друг.

– Сама не знаю, но мне нужно на них взглянуть.

– Не думаю, что это хорошая идея. – Помедлив, Алекс двинулся следом за мной. – Я предупреждаю тебя разу, сама в сыщика играть не смей. Это очень опасно. Этот тип до сих пор, где – то в городе, и любое твое любопытство...

– Я все понимаю, Алекс, но... Я не могу сама объяснить. Мне нужно на них посмотреть. – Тихо проговорила я, так как на дорожке показалась стайка студентов первокурсников.

– У тебя есть интерес в этом деле, я прав?

Именно в этот момент я могла признаться о своей Милке, но что – то помешало это сделать. Внутри все воспротивилось, и я промолчала, торопливо попрощавшись. Находясь на паре, я витала далеко от аналитической статистики убийств, размышляя, почему не сказала Алексу о сестре. Но чем дальше я забредала в своих размышлениях, тем сильнее убеждалась, что поступила правильно. Конечно, разыскать убийцу очень хотелось, но совершенно не представлялось возможным, без каких либо действий. И разумеется я боялась что кто – то обратит внимания на эти самые действия, и я поставлю под удар не только себя но и Лански. Вот тогда то, уж он точно вышвернет меня на улицу, прямо в руки того самого имитатора.

– Изабелла Шайнер продолжите пожалуйста мою мысль, вы так усердно следите за тем, что я говорю! – Противный профессор Гальский снова остановил на мне взор своих ма-

леньких глубоко посаженных глазок.

– Простите, – запнулась я, стремительно краснея, – я отвлеклась...

– Как и десятки раз до этого, на моих лекциях!– Завизжал он, брызжа слюной. Соскочив с помоста, на котором располагалась трибуна, он в секунду оказался около моего стола.– Никто! Я подчеркиваю, никто не выйдет от меня неучем, Шайнер! Поэтому к следующему занятию вы предоставите реферат по сегодняшней теме. И лучше вам его предоставить, потому, как без зачета по моему предмету, вы не сдвинетесь дальше ни на шаг! Я ясно выразился?

– Конечно, предельно.– Отчеканила я, ненавидя его всей душой. Этот стервец придирается ко мне с самого первого дня. Весь университет знает, что у Гальского непременно есть как любимчик, так и несчастный, который попал к нему в немилость. Я всю голову сломала, гадая, отчего мне выпала такая честь, но ответа не находила.

А еще мне предстояло тащиться черт знает куда, в университетскую библиотеку, потому что Гальский не признавал интернет источников, и даже не возьмется читать работу, если в библиографическом списке не значатся его любимейшие и дрожайшие авторы. Мысленно я послала его, уже в тысячный раз кое – куда подальше, и поднялась с места, как только прозвенел звонок. Под его тяжелым взглядом, я гордо прошествовала мимо, доставая на ходу телефон, чтобы предупредить Анну о своей задержке.

Анна ответила сразу, и после короткого разговора, я поспешила к автобусной остановке.

Пары закончились поздно, стрелка упорно ползла к восьми часам вечера, и, учитывая бессонную минувшую ночь, я предвкушала тот момент, когда приму душ, и вытянусь на кровати, отгораживаясь от всех проблем, по крайней мере, до завтра.

В части города, где находилась библиотека, всегда было многолюдно. По правую сторону выстроились здания, которые сдавались под офисы, магазины, и так далее, а по левую, через небольшой живописный сквер, сияли неоновыми вывесками пабы, рестораны, и разные развлекательные заведения.

В библиотеке я провела порядком двух часов, отыскивая перечень книг, которым со мной любезно поделилась веселушка – хохотушка Любка, однокурсница, которую трахает ненавистный профессор Гальский. По крайней мере, об этом судачат все, кому не лень, да и она сама не скрывает сей постыдный факт, отчего неимоверно гордясь им, и по возможности, каждый раз напоминая. Может от того я так яростно его ненавижу? Как представлю этого тучного волосатого бора и тоненькую Любку, так тошно становиться. А сколько таких Любок в стенах университета? Зарабатывающих свои оценки отнюдь не своим интеллектом, а умениями совсем другого характера.

Покинув библиотеку, я забросила тяжелую сумку на пле-

чо, посмотрела на часы, и побрела к остановке. Перейдя на другую сторону, я вдруг сбилась с шага, узнав среди многочисленных прохожих Алекса, осторожно озирающего по сторонам. Он шел впереди, а я не отдавая себе отчета, припустилась следом, держась на расстоянии. Сумка оттягивала тяжестью плечо, то и дело съезжая вниз. Перехватив ее покрепче, я продолжила свой путь, и вдруг остановилась.

Алекс входил в подвальное помещение, по всей очевидности какого – то ночного заведения. Тяжелая железная дверь со скрипом отворилась, впуская ночного гостя, и тут же захлопнулась. Помедлив, я приблизилась, к запертой двери, без опознавательных знаков, топчась под ней, сверля ее взглядом, ругая себя на чем свет стоит.

Ну, зачем, скажите на милость, я поперлась за ним. А если он вдруг выйдет? Как я объясню свое присутствие здесь? Не признаваться же, что следила за ним. Кстати, зачем я это делаю? Куда проще спросить его самого, и о той странной девушке, не дающей мне покоя, и о визите в это место. Может он занят сбором информации для своей аналитики, а я маюсь черт знает чем.

Еще раз мысленно выругавшись, я в который раз крепко перехватила тяжелую сумку, круто развернулась, и едва не снесла с ног хмурого коротко стриженного парня, одетого в черное полупальто, и зауженные черные слаксы.

– Оу, красотка, полегче! – Его руки удержали меня от позорного пикета на асфальт, а взгляд быстро профессиональ-

но окинул меня с ног до головы. Губы растянула плотоядная улыбка от уха до уха. Парень был весьма хорош собой, и отлично это знал. – Какая гостья у наших дверей! Позвольте, пригласить вас на чашечку кофе. На улице отвратительная погода. Ненавижу осень.

Слегка приподняв лицо, я с удивлением обнаружила, что опять пустился мелкий дождь. Растерявшись от такого напора, я позволила себя увлечь внутрь, прямиком в чудом распахнувшиеся двери, настороженно оглядываясь по сторонам, чувствуя на себе раздевающий взгляд парня.

– Марат. – Его горячая ладонь заграбастала мою руку, пытливо заглядывая в лицо.

– Изабелла. – Коротко ответила я, осматривая интерьер. Темно – красная обивка и светлые деревянные панели украшали стены. Немногочисленные столики расположились вдоль стены, а декоративная зеленая изгородь прикрывала лестницу. Алекса в зале не наблюдалось, из чего я сделал вывод, что он наверху.

– Каким ветром сюда надуло такую красавицу? Ты ведь здесь впервые? Я ни разу тебя здесь не видел.

– Да, признаться, я здесь оказалась совсем случайно.

– Дорогая, тебе совершенно нечего смущаться. Все девушки здесь оказываются случайно, и поверь, остаются здесь жить, и весьма неплохо. – Его губы снова растянула пошловатая улыбка, и я замерла, не совсем понимая, куда он клонит.

– Играете? Сегодня планируются большие ставки.

Я снова непонимающе уставилась на него, он в ответ послал мне аналогичный взгляд.

– Как вы здесь оказались? У нас закрытое помещение, и случайные птахи здесь редкость.

Официант принес кофе, и я обхватила ее двумя руками, пытаюсь согреться, отводя взгляд. В зале сновали полуголые молоденькие женщины, присаживаясь на колени к вальяжно восседающим мужчинам. В глубокое декольте ныряли мужские руки, оставляя там купюры, и только сейчас, в этот момент, я поняла, в каком месте оказалась и как влипла. Принялась дико озираться по сторонам, подмечая все новые и новые детали.

– Мне пора. – Я вскочила на ноги, хватая свою сумку.

– Изабелла, успокойтесь. Вы не так меня поняли. В жизни каждого бывают непредвиденные обстоятельства, и вам совершенно незачем бежать от них сломя голову. Здесь вам ничего не грозит, уж поверьте мне на слово. – Его рука снова оказалась на моей, а проникновенный голос вещал, наводя флеру. – Это мое заведение, и вас здесь никто пальцем не тронет. Ну же, – его руки настойчиво усадили меня на место, – пейте свой кофе, и я доставлю вас домой.

Я перевела на него взгляд, вгрызаясь в него диким взглядом, разглядывая его лицо. Оно к слову, было полно участия, и внушало доверия. Перехватив дрожащими руками чашку, я хотела было сделать глоток, как над нами нависла чья – то тень. И глядя, как вытянулось лицо парня, я вскинула глаза,

и задохнулась от накатившего ужаса. Черты человека стоявшего надо мной, лишь отдаленно напоминали мне те, что я видела сегодня ночью. Его лицо исказила такая гримаса ярости и отвращения, что у меня сердце рухнуло вниз, и задержалось где – то в области пяток.

На ватных ногах я поднялась, не в силах подобрать слов, чтобы объясниться, словно нашкодившая школьница. Во рту мгновенно пересохло, а по венам понеслась неконтролируемая волна обреченности.

– Чем обязан твоему появлению? – Хрипло прочистив горло, поприветствовал Марат Лански, протягивая руку.

Лански даже бровью не повел, продолжая сверлить меня диким взглядом. Затем рывком дернул на себя, задержал на мне взгляд, и толкнул к выходу. Я поплелась на дрожащих ногах, крепче перехватывая тяжелую сумку.

– Если ты приложил руку к тому, что она здесь, я собственноручно вырву твое сердце. – Услышала за спиной шипение, поражаясь собственному слуху. Сейчас, я как никогда мечтала оглохнуть, и ослепнуть в придачу, чтобы не видеть его таким. Страшным.

Ужасным. Интуитивно дернулась, чувствуя его прожигающий взгляд между лопаток, прибавив шагу...

Глава 8

Жесткие руки снова прикасаются ко мне, с силой толкая в салон черного агрессивного, как и его хозяин, джипа. Я бесшумно всхлипываю, сглатывая колючий ком в горле, когда он врывается в салон, задыхаюсь от страха. Бросаю взгляд, и первое что вижу, судорожно сведенные брови на переносице и черный безумный взгляд. Крепко зажмуриваю глаза, года он рывком срывается с места, а виз шин проходится по оголенным нервам острым лезвием.

Я не всматриваюсь, куда он меня везет, мне все равно, куда ужаснее, что он последует со мной тем же маршрутом, чтобы держать свои руки на моем горле, удерживая над пропастью. Я еще не знаю, какие сакральные мысли бродят в моей голове, и насколько я близка к истине. Машина с протяжным визгом тормозит, и он выскакивает, громко хлопнув дверью, а я крепче хватаюсь за спасительную сумку, дрожа от тошнотворной трусости.

Дверь с моей стороны с глухим ударом распаивается, и он вытаскивает меня за шиворот, как надоедливый котенок. Только теперь, я вижу, что он привез меня тот самый, мост, на котором мы встретились год назад. Дождь усилился, и теперь хлестал косыми струями по бледному испуганному лицу, стекая за шиворот ледяными струями. Мое пальто так и

осталось в том месте, куда я так неосмотрительно забрела, и тонкая блузка мгновенно промокла, противно прилипнув к телу. Голубая рубашка Лански так же вымокла, обрисовывая каждый налитой мускул его сильного тела. Одним рывком он перемещает нас к стальным кованым перилам, и нависает над черной пропастью, прожигая меня безумными глазами. Реальность оказалась настолько уродливой и омерзительной, что я безвольно повисаю на его руках, и закрываю глаза, подставляя лицо ледяной стихии.

– я спрошу один раз, и желательно тебе правильно ответить. Что ты делала у Шаха? – Сиплый голос со свистом вылетает из горла, заставляя в недоумении распахнуть глаза. – Губы растягивает злобный оскал. – Оставь эти взгляды для своего сосунка. Ну!?

Его руки еще сильнее наклоняют меня над пропастью, и я цепляюсь за них, стараясь разглядеть его лицо сквозь обжигающие слезы.

– Я не знаю... Не понимаю о ком ты...

– На счет раз, я отпускаю руки. Все закончиться там, где и началось. Я идиот априори, что связался со шлюхой, Белка. Но еще не поздно все исправить. Каждая собака знает, что шлюхи долго не живут. Будем считать, я избавлю тебя от страданий. Считаю это моим последним подарком.

Я кожей ощутила тот момент, когда его пальцы начали разжиматься, а во взгляде образовалось равнодушие. Я задышалась в его руках, мелко трясясь всем телом, как загнан-

ное животное. Именно так я себя и чувствовала в этот момент. Тогда я поняла, кто передо мной, окончательно протистившись со своими иллюзиями. Я поняла, что упустила ситуацию из рук, и придется все выложить как на духу, но как же было немыслимо трудно на это решиться. Моя правда, как вторая кожа крепко срослась со мной, и отдрать ее от себя, было равносильно смерти, которая уже обратила на меня свой взор пустых глазниц. Я вдруг сильно его возненавидела за то, что не дал мне тогда закончить начатое, заставил по другому прожить этот год, а теперь толкает на самое дно грязной омерзительной пропасти.

– Я решила кое – что проверить... – Начала я, захлебываясь струями, беспощадно бьющими в лицо. – Тогда, я оказалась здесь отчасти от того, что сбежала из детского дома. Отчасти от того что моя сестра... Моя сестра погибла... Я не знаю, кто это сделал, но ...

– Как это случилось? – Его резкий окрик заставил тело вздрогнуть в его руках, чтобы потом замереть, как перед прыжком в пропасть. – Как она погибла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.